

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Дашковский П.К. *, Траудт Е.А.

Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru (Дашковский П.К.); traudt805ea@gmail.com (Траудт Е.А.)

ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИСТОВ БУРЯТИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

На основе анализа архивных материалов из фондов Государственного архива Российской Федерации (Москва) и Государственного архива Республики Бурятия (Улан-Удэ) рассмотрено положение буддистов Бурятской АССР в контексте вероисповедной политики Советского Союза. Особое внимание уделено изучению финансово-хозяйственной и обрядовой деятельности Иволгинского дацана. Определено, что главными обрядами в этот период становятся отпевания, за которые он получает значительные финансовые средства. Анализ динамики количественного состава штата дацана показал, что имелась кадровая проблема, связанная с преклонным возрастом лам, которую пытались решить разными способами. Несмотря на проводимую в СССР атеистическую политику и сопутствующие сложности, религиозное объединение буддистов продолжало развиваться, что было обусловлено совокупностью многих факторов. Одним из важных моментов, позитивно сказавшихся на развитии буддизма в Бурятии в данный период, стала внешняя политика СССР, в ходе реализации которой буддийские деятели Советского Союза выступили в качестве инструмента осуществления дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Бурятская АССР, буддизм, вероисповедная политика, Центральное духовное управление буддистов СССР, Иволгинский дацан.

Ссылка на публикацию: Дашковский П.К., Траудт Е.А. Положение буддистов Бурятии в контексте религиозной политики СССР во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 2. С. 167–177. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-15>

Введение

Изучение государственно-конфессиональных отношений является перспективным вектором развития религиоведческой науки. Одно из ведущих научных направлений — вероисповедная (государственно-конфессиональная) политика СССР, которая не была одинаковой на протяжении существования страны. Особого внимания заслуживает исследование вероисповедной политики в национальных автономиях СССР, имевших собственную специфику административно-территориального и законодательного устройства [Кутафин, 2008, с. 147–222]. Цель данного исследования — изучение положения буддистов Бурятии в контексте религиозной политики СССР во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг.

Отдельные вопросы обозначенной проблематики частично отражены в трудах отечественных исследователей [Бадмацыренов, 2006; Ванчикова, Чимитдоржин, 2006; Дроботушенко, 2022]. Однако эти ученые напрямую не касались государственно-конфессиональных отношений в регионе, делая акцент в основном на социологическом, юридическом или историческом аспектах. Одной из наиболее последовательных и содержательных является работа В.М. Митыпова [2006], посвященная истории взаимоотношений государства и буддийской церкви в СССР и России в конце 1960-х — 1990-х гг. При несомненной научной ценности данной работы, в ней только обзорно освещено положение буддийской общины и практически не представлены статистические данные периода «развитого социализма» [Там же, с. 42–59]. Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) СССР в 1950–1970-х гг. подробно рассмотрена в работе А.В. Горбатова [2024].

Бурятия как регион во все периоды истории выделялась неоднородным этническим составом населения. Переплетение различных традиций стало характерной особенностью данной территории, создавая особое культурное пространство. Именно это во многом повлияло на то, что население Бурятии исповедовало различные религиозные верования, среди которых исто-

* Corresponding author.

рически особая роль отводилась буддизму. Эта религиозная система оказала большое влияние на развитие бурятского этноса, очерчивая многие его мировоззренческие ориентиры.

Институционализация вероисповедной политики в регионе

В 1964 г. в руководстве СССР происходят важные кадровые изменения. Пост Генерального секретаря ЦК КПСС занимает Л.И. Брежнев. Новое руководство страны стремилось проводить более конструктивную и гибкую политику во всех сферах, включая религиозную [Горбатов, 2008; Дашковский, Дворянчикова, 2022, с. 20]. Для более гибкого воздействия на религиозные объединения в декабре 1965 г. появляется новый государственный орган — Совет по делам религий при СМ СССР, он служил основным проводником государственной религиозной политики вплоть до распада СССР в 1991 г. Помимо центрального аппарата в это структурное подразделение входили уполномоченные по делам религий всех субъектов страны, осуществляющие контроль и учет религиозных объединений в рамках своего административно-территориального региона [Советов, 2011].

Как и во всех субъектах СССР, в Бурятии к середине 1960-х гг. сложилась стройная система контроля за религиозными объединениями, так как государственно-конфессиональная политика в регионе осуществлялась согласно советским атеистическим принципам. Роль проводника этой политики выполнял уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР, в указанный промежуток времени эту должность занимали Д.Б. Очиржапов, В.А. Сахьянов и А.Б. Раднаев. В 1966 г. для улучшения антирелигиозной пропаганды и проведения контрольно-учетных мероприятий по инициативе Совета по делам религий при СМ СССР по всей стране создаются комиссии содействия соблюдению законодательства о религиозных культах [Беликов и др., 2019; Дашковский, Траудт, 2023; и др.]. В Бурятской АССР такие комиссии сформировались при аймачных (районных) исполнительных комитетах и действовали со второй половины 1960-х гг. после принятия постановления СМ Бурятской АССР № 299 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 223, л. 9597].

Правовое поле деятельности религиозного объединения буддистов Бурятской АССР

Сталинская политика воинствующего атеизма и репрессий в отношении верующих во второй половине 1930-х гг. привела к тому, что на территории Бурятской АССР буддийские священнослужители практически исчезли. По данным исследователей, к 1940 г. в Бурятии не осталось ни одного действующего ламы [Синицын, 2013, с. 482–483]. При этом нельзя сказать, что буддийская религия в регионе была полностью ликвидирована. Ее элементы плотно росли в народную культуру бурят, что стало фундаментом дальнейшего восстановления буддизма [Там же, с. 128]. После 1943 г. для буддистов СССР, как и для представителей многих других религий, происходит постепенное потепление отношений с государством [Там же, с. 134]. Немаловажную роль в этом сыграли патриотические настроения последователей учения Будды в военные годы. Во время Великой Отечественной войны буддисты пожертвовали на военные нужды 500 тыс. рублей [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006, с. 19].

Знаковым событием явилось открытие в 1945 г. Хамбинского сумэ (Иволгинский дацан) в улусе Средняя Иволга с регистрацией незначительного числа буддийских лам [Там же, с. 20]. В 1946 г. было создано совещание верующих буддистов СССР для выработки нормативно-правового акта, который бы регулировал положение всех буддистов на территории СССР. По итогам совещания было принято «Положение о буддийском духовенстве в СССР». Главными функциями ВЦДУБ СССР¹ стали руководство делами конфессии, надзор за монашеством в деле соблюдения поведенческого кодекса, составление религиозного календаря для определения празднеств, а также назначение и освобождение от должности ширетуев² [Буддизм в истории..., 2014, с. 84]. «Положение о буддийском духовенстве» 1946 г. было исторически важным документом. По мнению исследователей, этот законодательный акт имел большой адаптационный потенциал для встраивания буддийской общины в правовое поле Советского Союза [Абаева, 2019, с. 231]. Отказ от привычной структуры сангхи разрушал часть духовных скреп буддизма махаяны и реформировал саму организацию общины [Горбатов, 2008, с. 340]. В 1946 г. открывается Агинский дацан на территории Читинской области, который также входил в структуру ВЦДУБ СССР, он оставался единственным центром буддизма в регионе на протяжении всего периода «развитого социализма» [Дроботушенко, 2021, с. 71].

¹ В ходе поправок в «Положение» 1946 г. первоначальное название ВЦДУБ (Временное центральное управление буддистов) СССР было изменено на ЦДУБ СССР [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006, с. 27].

² Титул настоятеля буддийского монастыря в Бурятии [Андросов, 2011, с. 389].

Положение буддистов Бурятии в контексте религиозной политики СССР...

Процесс возрождения буддизма в СССР можно рассматривать с двух ракурсов. С одной стороны, государство после длительного периода репрессий и гонений вновь разрешило проводить религиозные службы и иметь штат духовенства, а само религиозное объединение было официально зарегистрировано в Совете по делам религиозных культов при СНК СССР. С другой стороны, ЦДУБ СССР был полностью подконтролен государству, включая штат сотрудников, финансово-хозяйственную деятельность и собственно осуществление богослужений. Иволгинский дацан стал главным центром буддизма на территории Советского Союза, что можно расценивать как акт централизации буддийской религии в системе государственно-конфессиональных отношений СССР, через отчетную деятельность которого было удобно осуществлять контрольные мероприятия.

Во второй половине 1960-х гг. в ЦДУБ СССР остро встает ряд вопросов, касающихся структуры организации и принятия нового законодательства. Первым вопросом, на который обращалось внимание, стало жителство монахов на территории Иволгинского дацана в формате общины. В это время также усиливается контроль за финансовой деятельностью лам. После каждого выездного богослужения они должны были выполнять записи о денежных поступлениях. Помимо этого, практиковалась выборочная проверка доходности священнослужителей на местах их пребывания [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 48, л. 5].

Еще одной проблемой стал преклонный возраст сотрудников ЦДУБ СССР. Это угрожало отсутствием перспективы дальнейшего развития буддийской религии в СССР. Средний возраст 28 сотрудников ЦДУБ СССР в 1968 г. составлял 70 лет, а реальной базы пополнения служителей культа не имелось из-за отсутствия образовательных учреждений для подготовки соответствующих кадров. Пандито Хамбо-лама Ж.Д. Гомбоев предложил решить эту проблему системой найма семейных лам (по примеру монгольских буддистов). Однако «Положение» 1946 г. этого не допускало [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 50, л. 34]. Все вышеуказанные факторы создали почву для проведения съезда буддистов СССР, на котором планировалось обсудить проект нового законодательства и выборные мероприятия [Там же, л. 3].

Следуя принципам коллегиальности и выборности в решении дел буддийской религии, 9 марта 1969 г. на базе Иволгинского дацана провели VI съезд представителей верующих буддистов и служителей культа, в котором участвовало более 100 последователей учения Будды. В итоге переизбрали Ж.Д. Гомбоева в качестве Пандито Хамбо-ламы, а также приняли новый нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность религиозного объединения буддистов на территории Советского Союза [Там же, д. 59, л. 3], получивший название «Устав духовного управления буддистов СССР». Компромиссным решением стала поддержка инициативы священнослужителей о принятии на службу в дацаны семейных лам по образцу монгольской системы. Такое решение предполагалось в качестве временного и должно было действовать до открытия школы по подготовке хуvaraков [Там же, д. 73, л. 114].

Важной частью нового устава явилось признание роли международной и дипломатической деятельности ЦДУБ СССР в коммуникации со странами Юго-Восточной Азии [Митыпов, 2011, с. 16; ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 53, 54 и др.]. Подчеркнем, что последователи буддизма в СССР и до 1969 г. вели активную дипломатическую деятельность. Однако в рассматриваемый период буддийские деятели стали восприниматься в качестве удобного инструмента для налаживания советским правительством внешнеполитических связей с рядом социалистических стран, мировоззренческой основой населения которых выступали буддийские ценности.

Немаловажную роль в принятии нового документа сыграл вновь избранный Пандито Хамбо-лама Ж.Д. Гомбоев. Имея неоспоримый авторитет в буддийских кругах, он стал одним из главных инициаторов международного сотрудничества ЦДУБ СССР. Во многом по этой причине именно его переизбрали на очередной срок [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 50, л. 4]. Лидер советских буддистов приложил немало усилий для трансляции свободы совести в СССР, а также внес весомый вклад в дело признания мировым сообществом компетентности советских религиозных деятелей буддизма. Кроме того, Ж.Д. Гомбоев был одним из тех, кто инициировал создание международной религиозной организации Азиатской Буддийской Конференции за мир, первое заседание которой состоялось в 1970 г. [Нимбуев, 2022, с. 248].

Значение законодательных актов 1946 г. и 1969 г. трудно переоценить. Положение 1946 г. знаменовало собой возрождение буддизма на территории СССР. Его главными задачами стали установление структурной составляющей ЦДУБ СССР, а также фиксация прав и обязанностей духовенства и мирян. Устав 1969 г., помимо внесения значительных изменений в структуру сангхи, сформулировал и законодательно обосновал линию международного сотрудничества. В це-

лом, два обозначенных нормативно-правовых документа заложили фундамент для регулирования буддийской общины в начальный период ее становления.

Устав 1969 г. предполагал проведение съезда буддистов раз в 4 года, однако на практике это не выполнялось. В 1977 г. Пандито Хамбо-лама Ж.Д. Гомбоев обратился с ходатайством к уполномоченному Совету по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР по поводу этого вопроса. Повестка предстоящего съезда ЦДУБ СССР должна была включать в себя отчетные и выборные мероприятия, связанные с ЦДУБ СССР и ревизионными комиссиями [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 1149, л. 28].

В итоге просьб и ходатайств Совет по делам религий при СМ СССР разрешил провести съезд буддистов в ноябре 1977 г. [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 102, л. 3536]. На мероприятии присутствовало 87 делегатов разных возрастных категорий. Немаловажной деталью данного съезда было то, что все решения принимались с оглядкой на принятую незадолго до этого Конституцию СССР. В очередной раз переизбрали Ж.Д. Гомбоева на должность Пандито Хамбо-ламы, изменили состав ревизионных комиссий и Устав. Состав ЦДУБ СССР увеличился с 9 до 11 чел., а вместо 4 Дид Хамбо-лам³ решили избирать только одного. В правилах внутреннего распорядка дацанов было решено исключить положение о запрете иметь автомашины и жениться. Помимо задач развития буддийской религии в Советском Союзе перед ЦДУБ СССР в Уставе оставались задачи, связанные с международной деятельностью [Там же, д. 103, л. 1–9].

В 1983 г. на VIII съезде принимается новый Устав ЦДУБ СССР, который кардинально не отличался от документа 1977 г. [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 2543, л. 2]. В данном акте не просматривалась тенденция координации духовных центров на территории Советского Союза, ЦДУБ СССР отводилась роль координирующего центра [Бакаева, 2015, с. 12]. В целом можно заключить, что уставы ЦДУБ СССР 1977 и 1983 гг. были пропитаны духом того времени. Они во многом опирались на Конституцию СССР 1977 г., которая, создавая определенный, толерантный настрой, являлась важным ориентиром в отношениях государства и религиозных организаций [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006, с. 36].

Динамика штата священнослужителей в Бурятии

На начальном этапе восстановления буддийской религии в 1946 г. штат священнослужителей Иволгинского дацана состоял из 15 лам [Синицын, 2013, с. 134]. Каждый штатный лама прикреплялся к одному из аймаков (районов) Бурятской АССР для выполнения выездных обрядов, а также для стационарной деятельности в Агинском и Иволгинском дацанах [Горбатов, 2018, с. 81].

Стоит уточнить, что одним из приоритетных направлений атеистической политики СССР на территории Бурятии стала борьба с незаконными служителями буддийского и шаманского культов. В основном нелегальными буддийскими ламами являлись люди, которые получили религиозное образование в дореволюционное время, но не захотели встраиваться в регистрационную систему послевоенной государственно-конфессиональной политики Советского государства. Деятельность таких людей была достаточно разносторонней. Чаще всего она выражалась в проведении частных отпеваний и богослужений, за которые служители культа получали вещевое, продуктовое или денежное вознаграждение [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 742, л. 1617]. Исключением стал случай, когда ученый-буддолог Б.Д. Дандарон собрал вокруг себя учеников из разных уголков Советского Союза и начал проповедовать им учение Будды с учетом собственного понимания его сути, за что в итоге был осужден и отправлен в лагерное заключение [Там же, л. 511].

Незаконные служители культа действовали и в других регионах Советского Союза, в том числе в национальных автономиях. Активную деятельность развернули незаконные служители буддизма на территории Тувинской АССР. Из-за достаточно жесткой политики госорганов, и в частности отказа в регистрации религиозного объединения буддистов, у религиозных деятелей развивалось чувство нигилизма и индифферентизма, что подготовило почву для их многочисленных незаконных религиозных действий [Монгуш, 2001, с. 94–96]. Сведения о зарегистрированных священнослужителях фиксировались уполномоченным Советом по делам религии при СМ СССР по Бурятской АССР в форме информационных и информационно-статистических отчетов для их последующей передачи в главный отдел Совета по делам религий при СМ СССР, находящийся в Москве. Контроль за количеством религиозных иерархов всех религий стал одним из главных направлений атеистической политики СССР в исследуемый исторический период.

Глава буддистов Бурятии исторически носил титул Пандито (Бандидо) Хамбо-ламы [Буддизм в истории..., 2014, с. 22]. Восстановление в 1946 г. этого звания стало знаком потепления в отноше-

³ Заместитель Пандито Хамбо-ламы.

нии государства к буддийскому вероисповеданию. В этом явно прослеживается параллель с восстановлением в 1943 г. патриаршества в структуре РПЦ. Отныне глава бурятских буддистов должен был не только заниматься вопросами культовой практики, но и осуществлять управление административными делами ЦДУБ СССР, являясь его председателем [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006, с. 24].

Таким образом, все духовенство в послевоенный период реставрации буддизма должно было считаться с требованиями государственных органов, чтобы поддерживать численность сангхи и удовлетворять религиозные потребности населения. Пост Пандито Хамбо-Ламы последовательно занимали Ж.Д. Гомбоев (1963–1982 гг.) и Ж.Ж. Эрдынеев (1982–1990 гг.) [Махачкеев, 2014, с. 143]. Духовенство сангхи Бурятии старалось придерживаться политики диалога с советскими властями. Для Бурятской АССР не было характерным отстранение буддийских лам по политическим мотивам. Кардинальное решение проблемы возрастного состава буддийского духовенства в Бурятии связано с открытием в 1970 г. в Монголии (Улан-Батор) буддийского института для подготовки квалифицированных кадров священнослужителей [Чимитдоржин, 2008, с. 118]. Данное учреждение создавалось во многом и для того, чтобы получить квалифицированные кадры, которые будут помогать налаживать международные связи буддистов. В буддийский институт осуществлялся прием мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, имеющих среднее общее образование [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 1149, л. 1012]. Документы предполагаемых абитуриентов проходили рассмотрение на уровне Совета по делам религий при СМ СССР. Так, в 1977 г. уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР В.А. Сахьянов собрал для Совета биографические сведения о семи кандидатах для отправки в буддийский институт. При отборе учитывались многие факторы, зачастую важные с точки зрения не столько компетенций буддийского священнослужителя, сколько полноценного образа советского человека. Например, в том же 1977 г. Р.Д. Цымпилова не допустили к поступлению в буддийский институт, так как он не проходил службу в рядах Советской Армии [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 1149, л. 1011].

В 1970 г. штат буддийского духовенства состоял из 27 лам, 11 членов ревкомиссий и 8 членов обслуживающего персонала. Число верующих буддистов Д.Б. Очиржапов оценил в 15 тыс. человек [Там же, д. 302, л. 23]. По сравнению с 1966 г. видно значительное увеличение числа верующих (на 12 тыс. человек). При этом следует отметить, что кардинальных изменений ни в религиозной политике, ни в буддийской сангхе СССР не наблюдалось. Тем более, количество православных верующих в Бурятской АССР за тот же период времени так значительно не изменилось (3 тыс. в 1966 г. и 5 тыс. в 1970 г.). Вероятно, имело место занижение или завышение статистических данных со стороны уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР по Бурятской АССР для выполнения предписаний атеистической политики СССР.

Помимо количественных показателей уполномоченный Совета по делам религии при СМ СССР собирал информацию о степени образованности и возрастном составе буддийского духовенства. Так, по данным 1970 г., в Бурятской АССР все 27 лам были старше 60 лет. Все они имели начальное светское образование, и лишь 4 человека — высшее духовное, 23 — среднее духовное и 1 — начальное духовное образования. Отметим также, что за указанный год в духовный сан было посвящено трое лам [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 302, л. 28]. Летом 1975 г. 6 студентов из Бурятии стали первыми выпускниками буддийского института в Улан-Баторе. ЦДУБ СССР делало на них большую ставку в дальнейшей работе по линии международной деятельности. Знаком доверия к молодым специалистам явилось зачисление их в штат лам Иволгинского дацана. Однако, несмотря на обучение, у молодых лам наблюдались проблемы с английским языком, что значительно затрудняло международную коммуникацию [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 941, л. 4748]. Молодым буддийским священнослужителям была оказана поддержка и со стороны уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР Д.Б. Очиржапова. Он выступил за то, чтобы к ламам было применено трудовое законодательство об обложении их льготным подоходным налогом, аргументируя это низким уровнем их имущественного положения [Там же, л. 51]. В 1976 г. штат лам Иволгинского дацана насчитывал уже 31 человека, включая 5 выпускников буддийского института в Улан-Баторе. Число обслуживающего персонала и членов ревкомиссий осталось практически неизменным по сравнению с предыдущими годами (19 и 10 человек соответственно) [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 1084, л. 21]. Образовательный и возрастной состав лам по данным на 1976 г. претерпел значительные изменения. Средний возраст серьезно омолодился из-за принятия в ряды буддийских служителей выпускников буддийского института, которые все были младше 40 лет. Несмотря на это 25 служителей культа оставались старше 60 лет. Высшее духовное образование имели 7 человек, среднее — 23 и начальное — 1 [Там же, л. 29]. В начале 1980-х гг. в Иволгинском дацане

из 23 служителей буддийского культа было 8 молодых лам, которые окончили буддийский институт в Улан-Баторе, к тому времени выпустивший уже 10 молодых лам. Проблемой стало отчисление двух выпускников из-за пьянства и безответственного отношения к работе. По-прежнему актуальными были вопросы, связанные с пожилым возрастом лам: 2 священнослужителя были старше 80 лет, 12 — старше 70 лет. Подготовка в будущем лам из 13 студентов была призвана омолодить состав священнослужителей [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 124, л. 8–9].

Анализируя положение буддийского духовенства СССР в исследуемый период, можно заключить следующее. На начальном этапе восстановления буддизма, когда ламам пришлось встраиваться в новую модель советской вероисповедной политики, в Иволгинском дацане особенно ощутимы были проблемы, связанные с преклонным возрастом священнослужителей. В послевоенные годы состав религиозных деятелей формировался из тех, кто получили духовное образование еще в дореволюционное время и чудом уцелели после репрессий и гонений. Пожилым ламам не было замены в лице молодежи, а полумера в виде предоставления возможности осуществлять религиозную деятельность женатым ламам кардинально не изменила ситуацию. По этой причине состав буддийского духовенства во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг. находился практически в стагнации с тенденцией к снижению (табл. 1).

Таблица 1

Число зарегистрированных лам Иволгинского дацана во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. *

Table 1

The number of registered lamas of the Ivolginskydatsan in the second half of the 1960s — early 1970s

1966	1967	1968	1970	1971	1972	1973
28	28	26	27	27	27	24

* Сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 50; ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 22, 165, 302, 385, 477, 558.

С открытием в 1970 г. буддийского университета в г. Улан-Баторе ситуация существенно меняется. В 1975 г., в связи с принятием 6 первых выпускников буддийского университета в состав Иволгинского дацана, произошла первая волна омоложения буддийского духовенства. К концу исследуемого периода общее число лам уменьшилось до 23 человек, однако уже 34 % из них (8 чел) относились к категории молодых священнослужителей до 40 лет. Несмотря на то что образование в буддийском институте было отнюдь не идеальным [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 124, л. 8], выпускники заложили прочный фундамент для дальнейшего развития буддийской религии на территории Советского Союза. В 1984 г. за счет новых священнослужителей число лам вновь достигло 28 [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 2912, л. 34].

Финансово-хозяйственная и обрядовая деятельность ЦДУБ СССР

Неотъемлемой частью существования любого религиозного объединения является финансово-хозяйственная деятельность. Материальная база Иволгинского дацана в послевоенное время складывалась из многих аспектов. Все доходы и расходы были подотчетны уполномоченному Совету по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР. На начало 1965 г. в Бурятии действовало 2 официально зарегистрированных религиозных объединения — Вознесенская церковь г. Улан-Удэ (РПЦ) и Иволгинский дацан (ЦДУБ СССР). В ведении ЦДУБ СССР находился также Агинский дацан, расположенный в Агинском Бурятском автономном национальном округе (Читинская обл.) [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006, с. 32]. Во второй половине 1970-х гг. официальную регистрацию получает община евангельских христиан-баптистов г. Улан-Удэ [ГАРБ. Ф. Р- 1857, оп. 1, д. 211]. Таким образом, Иволгинский дацан в период «развитого социализма» был единственным легально действующим центром буддизма в Бурятской АССР, вокруг которого кооперировались все буддисты региона. Основной поток верующих в буддийские храмы наблюдался в дни коллективных традиционных молебствий (больших хуралов), проводившихся 6 раз в году [ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 220, л. 345]. Специализированные ламы четко датировали хуралы из года в год, опираясь на лунный календарь. Каждая дата была связана с каким-либо знаковым религиозным или историческим событием в контексте буддийского учения [ГАРФ. Ф. Р-1857, оп. 6, д. 109, л. 4–6].

Именно обрядовые молебствия приносили большую часть (79,6 %) средств в джасу (казну) Иволгинского дацана. Добровольные пожертвования составляли 16,8 % общей суммы поступлений. В целом доходы Иволгинского дацана планомерно росли из года в год на всем протяжении

Положение буддистов Бурятии в контексте религиозной политики СССР...

исследуемого периода, увеличившись практически в 8 раз (66,4 тыс. руб. в 1966 г. и 520,6 тыс. руб. в 1984 г.) (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о доходах Иволгинского дацана во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. (в тыс. руб.) *

Table 2

Information on the income of the Ivolginsky datsan in the second half of 1960s — the first half of the 1980s
(in thousands of rubles)

	1966	1970	1973	1976	1980	1982	1984
Общая доходность	66,4	190,8	280,3	432,3	446,5	503,2	520,6
От исполнения обрядов	11	178,1	67,3	246,2	439,4	497,9	502,6
Добровольные пожертвования	1,4	12,7	178,1	186,1	7,1	5,3	16,5

* Сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 50; ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 302, 558, 1084, 1958, 2464, 2912.

Обряды могли включать в себя очные и заочные отпевания, количеством которых во многом определялась степень религиозности населения. Несмотря на то что доходы Иволгинского дацана возрастали, количество очных отпеваний к концу рассматриваемого периода практически сошло на нет. Все отпевания перешли в разряд заочных, количество которых также снижалось, но не столь значительно (табл. 3). Этот факт объясняется атеистической пропагандой среди советского населения, которая предполагала замену религиозных обрядов гражданскими.

Таблица 3

Сведения об основной обрядности Иволгинского дацана в 1970-х — первой половине 1980-х гг. *

Table 3

Information about the main rituals of the Ivolginsky datsan in the 1970s — the first half of the 1980s

	1970	1971	1973	1976	1980	1981	1982	1983
Очные отпевания	143	73	75	63	0	10	12	15
Заочные отпевания	236	169	185	205	200	200	250	180
Всего	379	242	260	268	200	210	262	195

* Сост. по: ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 302, 385, 558, 1084, 1958, 2464, 2658.

Отсутствие корреляции между постоянно увеличивающейся общей суммой поступлений и уменьшением количества отпеваний уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР связывали с комплексом причин. Одной из них стали частые приезды иностранных буддийских деятелей, на богослужение которых приходило больше людей, чем на обычные хуралы [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 48, л. 2]. Другой причиной явилось то, что точное число обрядовых мероприятий не было зафиксировано, так как в отчетах указывались лишь отпевания, хотя в действительности могло быть и исполнение других треб, пусть в незначительном количестве [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 109, л. 3]. К тому же свою роль играла неопределенность в установлении суммы за совершение обрядов. Оплата считалась добровольным делом, зависела от желания и возможности верующего [ГАРФ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 1354, л. 15]. Помимо доходов и совершения обрядов в отчетной документации фиксировались также расходы Иволгинского дацана (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о расходах Иволгинского дацана во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. *

Table 4

Information about the expenses of the Ivolginsky datsan in the second half of 1960s — the first half of the 1980s

	1966	1970	1971	1973	1977	1980	1982	1984
Общий расход средств	65,3	297	172,9	265,4	622,7	449,8	473,8	443,7
На ремонт и содержание молитвенных зданий	1,2	116	224	44	29	83,3	58,5	60,9
Отчисления в Фонд мира	0	3	10	3	2	6	13,1	135
Отчисление религиозным центрам	10,5	100	3	100	66	2	250	30
На содержание персонала ЦДУБ СССР	26	45,6	56,6	20,5	57,4	27,7	23,4	Нет данных

* Сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 50; ГАРФ. Ф. Р6991, оп. 6, д. 302, 385, 558, 1292, 1958, 2464, 2912.

Расходы Иволгинского дацана увеличивались из года в год. Стабильно финансовые средства уходили на содержание персонала, который включал в себя священнослужителей, штат обслуживающих сотрудников и органов ревизионных комиссий. Обычно такие отчисления составляли менее 10 % от общей суммы трат. Как правило, большая часть средств расходовалась на строительство и ремонт, для этого в отчетных документах существовала отдельная статья расходов. Так, в 1976 г. после пожара было потрачено большое количество денег на восстановление Иволгинского дацана [ГАРФ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 941, л. 6468]. Немаловажную часть трат составляли отчисления в различные фонды. В 1960-е гг. в СССР начал складываться Фонд мира для поддержания идей пацифизма и взаимопомощи. По данным отчетных материалов видно, что буддисты Бурятской АССР всячески старались участвовать в жизни фонда, регулярно внося туда деньги. В некоторые годы буддисты Советского Союза участвовали в финансировании других фондов. Так, в 1973 г. было отправлено 3 тыс. рублей в Фонд охраны памятников истории и архитектуры и столько же в общество охраны природы [ГАРФ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 558, л. 23]. Кроме того, Иволгинский дацан каждый год отправлял деньги религиозным центрам. Перечислялись средства и в адрес ЦДУБ СССР для осуществления его деятельности, практически во все отчетные годы данный вид трат преобладал в расходной части бюджета Иволгинского дацана.

Таким образом, Иволгинский дацан осуществлял активную обрядовую деятельность, которая заключалась в проведении богослужений и похоронных обрядов, выполнявшихся в форме очных и заочных отпеваний. На протяжении исследуемого периода доходы и расходы религиозного объединения буддистов Бурятии увеличивались, что свидетельствует о возрождении буддийской религии на территории региона. Можно сказать, что данный процесс развивался в связи с комплексом факторов внутренней и внешней политики, вследствие чего значительно выросла степень религиозности населения и изменилось отношение к религии в целом. Но важно отметить и тот факт, что на протяжении всего исследуемого периода буддизм в СССР был представлен лишь Иволгинским и Агинским дацанами, находящимися в юрисдикции ЦДУБ СССР, которое вело все вопросы буддизма в Бурятской АССР и Читинской области. Несмотря на относительное «потепление» отношений государства и религиозных объединений в Бурятской АССР, буддисты не спешили подавать прошения о регистрации новых религиозных объединений.

Рассмотрение жалоб и прошений буддистов на территории Бурятской АССР

В ходе проводимой СССР вероисповедной политики у многих верующих резонно возникали вопросы по некоторым аспектам атеистического воспитания, регистрации религиозных объединений или открытию храмов. Нормы советского законодательства, касающиеся религиозной сферы, не были доступны верующим, что создавало недопонимание в осуществлении религиозной деятельности. Часто граждане СССР выражали свое недовольство при помощи писем в религиозные либо государственные структуры различного уровня. Отметим, что в исследуемый период на территории Бурятской АССР в отношении буддистов не было никаких резонансных дел. В основном жалобы и прошения касались сугубо частных вопросов и не выходили за пределы региона.

Важным, напрямую касавшимся буддистов стал вопрос по поводу передачи Гусиноозерского дацана в ведение ЦДУБ СССР. Прошения не дали видимых результатов, а здание дацана было передано ЦДУБ СССР только в период перестройки [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 46, л. 17]. Стоит сказать, что с середины 1970-х гг. руководящие органы старались обращать особое внимание на письма-жалобы по религиозным вопросам. Именно в это время в статистических отчетах уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР появляется табличная форма для внесения данных по количеству жалоб за отчетный год. Примерно с этого времени в отчетах аймачных (районных) комиссий содействия соблюдению законодательства о религиозных культурах также фиксируется информация о наличии/отсутствии жалоб и прошений. В целом на территории Бурятской АССР практика писем-жалоб не получила широкого распространения. Во многих аймаках указанными комиссиями в разные годы отмечалось, что жалоб не поступало [ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 72, л. 10; ГАРБ. Ф. Р-1857, оп. 1, д. 72, 76, 92 и др.]. Со своей стороны, уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР также отмечал отсутствие жалоб по поводу буддийского вероисповедания.

Заключение

В рассматриваемый период объединение буддистов Бурятской АССР, которое кооперировалось вокруг Иволгинского дацана, стабильно встраивалось в религиозную картину страны благодаря централизации всего буддийского сообщества. Деятельность Иволгинского дацана была

Положение буддистов Бурятии в контексте религиозной политики СССР...

достаточно многоплановой, включая в себя активную обрядовую и финансовую деятельность, демонстрируя тенденцию к расширению. Такое положение дел, на наш взгляд, обуславливалось несколькими факторами.

Во-первых, лояльное отношение к советскому правительству и его политике, неоднократно выказывавшееся верующими и священнослужителями, позволяло беспрепятственно совершать религиозные обряды, а также обучать новых священнослужителей в буддийском институте г. Улан-Батора.

Во-вторых, буддизм во второй половине XX в. стал играть роль своеобразной «мягкой силы» в отношениях СССР со странами Юго-Восточной Азии. Посредством контактов религиозных деятелей и делегаций во многом выстраивались дипломатические связи. В определенной степени по этой причине на ЦДУБ СССР не было давления, когда на богослужения, проводимые зарубежными буддистами, сходилось большее число людей, чем во время обычных молебствий, и жертвовались значительные суммы денег. Уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР, несмотря на государственный курс атеизма, не могли бороться с этим, поскольку такие контакты были необходимы для построения гармоничных отношений с иностранными буддистами. Воспринимая эти обстоятельства как объективную причину роста религиозности в регионе, они были вынуждены подавлять религиозность населения используя другие методы, основанные на борьбе с незаконными служителями культа и атеистической пропаганде.

В-третьих, сама религиозная политика СССР в этот период претерпевает значительные изменения. Вместо закрытия храмов, использовались методы контроля и сдерживания, которые были не столь эффективны. К этому можно добавить малую продуктивность деятельности органов контроля за религиозностью на территории Бурятской АССР. Данные им широкие полномочия нивелировались их слабой связью между собой, бюрократической медлительностью и низкой квалифицированностью в религиозных вопросах.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23-18-00117).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаева Л.Л.* Духовенство и миряне в процессах восстановления/возрождения буддийских монастырей Бурят-Монголии в послевоенный период // *Власть*. 2019. № 4. С. 229–233.
- Андросов В.П.* Индо-тибетский буддизм: Энцикл. словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Бакаева Э.П.* Между Центральным духовным управлением буддистов и Объединением буддистов Калмыкии: Буддизм в Калмыкии в 1988–1991 гг. // *Вестник Калмыцкого университета*. 2015. № 1 (25). С. 6–14.
- Беликов С.В., Дворянчикова Н.С., Шершнева Е.А.* Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о религиозных культах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х // *Народы и религии Евразии*. 2019. № 2 (19). С. 100–111. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)2-07](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)2-07)
- Ванчикова Ц.П., Чимитдоржин Д.Г.* История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 132 с.
- Буддизм в истории и культуре бурят* / Отв. ред. Гарри И.П. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 417 с.
- Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск: Издательство ТГПУ, 2008. 408 с.
- Горбатов А.В.* Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг. // *Российская история*. 2018. № 5. С. 77–88. <https://doi.org/10.31857/S086956870001572-7>
- Горбатов А.В.* К вопросу о внешнеполитической деятельности буддистов СССР в контексте вероисповедной политики советского государства (1950–1970-е гг.) // *Отечественная история. Монголоведение*. 2024. Т. 16. Вып. 1. С. 95–111. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-1-95-111>
- Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С.* Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул: Из-во Алт. унт-та, 2022. 152 с.
- Дашковский П.К., Траудт Е.А.* Деятельность Комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. // *Народы и религии Евразии*. 2023. Т. 28. № 2. С. 181–196. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-10)
- Дроботушенко Е.В.* Особенности существования буддизма в Читинской области в начале 1980-х годов // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2021. № 3 (72). С. 69–77. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.007>
- Дроботушенко Е.В.* Особенности развития религиозной ситуации в Бурят-Монгольской (Бурятской) АССР в послевоенное советское время // *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2022. № 3. С. 17–21. <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2022-3-17-21>
- Кутафин О.Е.* Российская Автономия. М.: Прогресс, 2008. 768 с.

- Махачкеев А.В. (авт.-сост.). 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. 200 с.
- Митыпов В.М. Государство и буддийская церковь в СССР/России: Основные аспекты законодательных отношений // *Власть*. 2011. № 5. С. 13–17.
- Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск: Наука. 2001. 200 с.
- Нимбуев Г.Ч. Международная деятельность Пандито Хамбо-ламы Ж.-Д. Гомбоева как проявление народной дипломатии // *Власть*. 2022. № 6. С. 247–252.
- Синицын Ф.Л. «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд-во А.А. Терентьева, 2013. 528 с.
- Советов И.М. Совет по делам религий при СМ СССР: Структура, функции и основные направления деятельности: (Эпоха В.А. Куроедова. 1966–1984 гг.) // *Свобода совести в России: Исторический и современный аспекты*. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2011. Вып. 9. С. 349–369.
- Чимитдоржин Д.Г. Бандидахамба-лама Жамбал-Доржо Гомбоев (1963–1982) // *Выдающиеся бурятские деятели*. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2008. Вып. 8. 150 с.

ИСТОЧНИКИ

- ГАРБ. Ф. Р1857. Оп. 1. Д. 46, 48, 50, 59, 72, 73, 76, 92, 102, 103, 109, 124, 211.
- ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 22, 109, 165, 220, 223, 302, 385, 477, 558, 742, 941, 1084, 1149, 1292, 1958, 2464, 2543, 2658, 2912.
- Бадмацыренов Т.Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа (на материалах Республики Бурятия): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2006. 24 с.
- Митыпов В.М. История взаимоотношений государства и буддийской церкви в СССР/России: 1969–1990-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 167 с.

Dashkovskiy P.K. *, Traudt E.A.

Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru (Dashkovskiy P.K.); traudt805ea@gmail.com (Traudt E.A.)

The status of the Buddhists of Buryatia in the context of the religious policy of the USSR in the second half of the 1960s — first half of the 1980s

Based on the analysis of archival materials from the State Archive of the Russian Federation (Moscow) and the State Archive of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude), this article examines the status of the Buddhist community of the Buryat ASSR in the context of the religious policy of the Soviet Union. A particular attention is given to the study of the financial, economic and ritual activities of the Ivolginsky Datsan. It has been determined that the main rites during this period were funeral services, for which the Ivolginsky Datsan receives significant financial resources. The analysis of the dynamics of the staff numbers of the datsan has shown that there was a personnel shortage associated with the advanced age of the lamas, which they tried to solve by various methods. Despite the atheistic policy pursued in the USSR, and all the associated challenges, the religious association of Buddhists continued to develop, which was due to a combination of many factors. One of the important aspects that had a positive effect on the development of Buddhism in Buryatia during this period was the foreign policy of the USSR, during which the Buddhist leaders of the Soviet Union acted as a certain instrument for the implementation of diplomacy with the countries of Southeast Asia.

Keywords: Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic, Buddhism, state-confessional policy, Central Spiritual Administration of Buddhists of the USSR.

Funding. The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia” (project No. 23-18-00117).

REFERENCES

- Abaeva, L.L. (2019). Clergy and laity in the processes of restoration/revival of Buddhist monasteries of Buryat-Mongolia in the post-war period. *Vlast'*, (4), 229–233. (Рус.).
- Androsov, V.P. (2011). *Indo-Tibetan Buddhism: Encyclopedic dictionary*. Moscow: Orientalia. (Рус.).
- Bakayeva, E.P. (2015). Between the Central Spiritual Administration of Buddhists and the Association of Buddhists of Kalmykia: Buddhism in Kalmykia in 1988–1991. *Vestnik Kalmy'czkogo universiteta*, (1), 6–14. (Рус.).
- Belikov, S.V., Dvoryanchikova, N.S., Shershneva, E.A. (2019). Activities of commissions to monitor the implementation of legislation on religious cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s. *Narody i religii Evrazii*, (2), 100–111. (Рус.). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)2-07](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)2-07)
- Chimitdorzhin, D.G. (2008). Bandida Khamba Lama Zhambal-Dorzhо Gomboev (1963–1982). *Vydajushhiesja burjatskie dejateli*. Ulan-Udje: Izd-vo BGSKhA im. V.R. Filippova. (Рус.).

* Corresponding author.

Dashkovskiy, P.K., Dvoryanchikova, N.S. (2022). *Sovetskaja i rossijskaja gosudarstvenno-konfessional'naja politika na jube Zapadnoj Sibiri*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K., Traudt, E.A. (2023). Activities of Assistance Commissions for the observance of legislation on religious cults in Buryatia in the second half of the 1960s — early 1980s. *Narody i religii Evrazii*, (2), 181–196. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-10)

Drobotushenko, E.V. (2021). Features of the existence of Buddhism in the Chita region in the early 1980s. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 69–77. (Rus.). <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.007>

Drobotushenko, E.V. (2022). Features of the development of the religious situation in the Buryat-Mongolian (Buryat) ASSR in the post-war Soviet period. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e issledovaniya Vnutrennej Azii*, (3), 17–21. (Rus.). <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2022-3-17-21>

Gorbatov, A.V. (2008). *The state and religious organizations of Siberia in the 1940s–1960s*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (Rus.).

Gorbatov, A.V. (2018). Buddhists and the Soviet state in 1946–1960s. *Rossijskaja istorija*, (5), 77–88. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S086956870001572-7>

Gorbatov, A.V. (2024). On the issue of foreign policy activities of Buddhists in the USSR in the context of the religious policy of the Soviet state (1950–1970s). *Otechestvennaya istoriya. Mongolovedenie*, (1), 95–111. (Rus.). <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-1-95-111>

Harry, I.R. (Ed.) (2014). *Buddhism in the history and culture of the Buryats*. Ulan-Udje: Burjaad-Mongol Nom. (Rus.).

Kutafin, O.E. (2008). *Russian autonomy*. Moscow: Progress. (Rus.).

Makhachkeev, A.V. (Comp.) (2014). *250 years of the Pandito Hambo Lama Institute*. Ulan-Ude: NovaPrint. (Rus.).

Mitypov, V.M. (2011). The state and the Buddhist church in the USSR/Russia: main aspects of legislative relations. *Vlast'*, (5), 13–17. (Rus.).

Mongush, M.V. (2001). *History of Buddhism in Tuva (second half of the 6th — end of the 20th century)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Nimbuev, G.Ch. (2022). International activities of Pandito Hambo Lama J.-D. Gomboev as a manifestation of public diplomacy. *Vlast'*, (6), 247–252. (Rus.).

Sinitsyn F.L. (2013). *“Red Storm”: The Soviet State and Buddhism in 1917–1946*. St. Petersburg: Izd-vo A.A. Terent'eva. (Rus.).

Sovetov, I.M. (2011). Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR: Structure, functions and main directions of activity: (The era of V.A. Kuroyedov. 1966–1984). In: *Svoboda sovesti v Rossii: Istoricheskij i sovremennyj aspekty*. St. Petersburg: Rossijskoe objedinenie issledovatelej religii. (Rus.).

Vanchikova, Ts.P., Chimitdorzhin, D.G. (2006). *History of Buddhism in Buryatia: 1945–2000*. Ulan-Udje: Izd-vo BNTs SO RAN. (Rus.).

Дашковский П.К., <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Траудт Егор Андреевич, <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Сведения об авторах:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Траудт Егор Андреевич, лаборант-исследователь, Алтайский государственный университет, Барнаул.

About the authors:

Dashkovskiy, P.K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University, Barnaul.

Traudt, E.A., Researcher Assistant, Altai State University, Barnaul.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 26.02.2025

Article is published: 15.06.2025

Шайдуров В.Н. *, Осипов Н.А.

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Петербургское шоссе, 10, Пушкин, Санкт-Петербург, 196605
E-mail: s-w-n@mail.ru (Шайдуров В.Н.); osipov090996@mail.ru (Осипов Н.А.)

НЕМЕЦКИЕ БУЛОЧНИКИ И ИХ МЕСТО В ГОРОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Подводятся итоги изучения места и роли немецких булочников в структуре городского хозяйства Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в. Теоретической основой исследования является теория фронтальной модернизации, которая позволяет проследить изменения в экономической жизни как столицы Российской империи, так и части ее жителей (немецких булочников). Разорительные войны в Центрально-Восточной Европе спровоцировали трудовую миграцию, в результате которой многие немцы в XVIII в. переселились в Россию. Одной из экономических «ниш», которую они успешно заняли в столице, стало производство хлеба. В этой сфере немцы-мигранты на рубеже XVIII–XIX вв. составили большинство. В дальнейшем в среде немецких булочников преобладали уроженцы Санкт-Петербурга. В 1820–1840-х гг. им удалось монополизировать городской хлебный рынок. Лидерство они удерживали вплоть до 1880-х гг. В пореформенный период в условиях межэтнического разделения труда их потеснили многочисленные еврейские мясники, которые занялись выпечкой хлеба. Чтобы удержать позиции, немецкие мастера стали модернизировать свои мастерские. В результате технических преобразований широкое распространение получили электрические двигатели и различные механические приспособления, которые способствовали трансформации технологического цикла. Однако эти изменения не привели к массовой интенсификации в производстве.

Ключевые слова: ремесленный цех, булочники, кондитеры, монополизация рынка, техническая модернизация, Санкт-Петербург.

Ссылка на публикацию: Шайдуров В.Н., Осипов Н.А. Немецкие булочники и их место в городском хозяйстве Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 2. С. 178–188. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-16>

Введение

На протяжении XVIII — начала XX в. ремесленное производство являлось неотъемлемой частью городской экономики. Развитие крупного промышленного производства подорвало положение ремесленников, однако они продолжали играть важную роль в обеспечении городских обывателей основными продуктами питания, в первую очередь хлебобулочными изделиями. Подобная ситуация наблюдалась во всех европейских странах, и Российская империя не была исключением. Несмотря на широкое распространение ремесленного производства, лишь в столицах оно получило полноценное институциональное оформление, включавшее в себя разделение на цехи, административное управление посредством Русской и Иностранной ремесленных управ, разработку особых корпоративных правил (обряды), учреждение различных социальных институтов (общества вспомоществования, похоронные кассы и пр.).

Еще в досоветское время были изданы работы, в которых авторы обращались к проблемам положения ремесленников, однако научное изучение ремесленничества в Российской империи начинается лишь в советское время. Оно было крайне фрагментарным, что объясняется повышенным интересом специалистов, занимавшихся экономической историей Российской империи, в первую очередь к отдельным отраслям промышленности, а через них — к истории формирования и развития рабочего класса. Ремесленник и лавочник с его «мелкобуржуазным сознанием» и образом жизни оказались вне поля зрения отечественных историков. Тем не менее в это время появились работы, которые сохраняют свое научное значение. Так, проблемы правового положения русских ремесленников оказались в центре внимания К.А. Пажитнова [1952]. Отдельные сюжеты из жизни петербургских ремесленников представлены в «Очерках истории Ленинграда» [Сукновалов, 1955; Макаров, 1955; Вяткин, 1955; Киреев, Вяткин, 1955].

* Corresponding author.

Немецкие булочки и их место в городском хозяйстве Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в.

Выход новых работ на рубеже XX–XXI вв. был связан с изменением конъюнктуры, выявлением ранее неизвестных источников и материалов, внедрением в исследовательский процесс новых методологических установок и методов. Различные аспекты исторического прошлого петербургских ремесленников XVIII–XIX вв. рассмотрены в работах А.В. Келлера [2014, 2020, 2021, 2023, 2024]. Еще меньше в отечественной историографии публикаций, в которых затрагивается национальный аспект ремесленничества [Юхнёва, 1989; Репина, 1999]. Это направление получило развитие в первой четверти XXI в. [Келлер, 2022; Шайдуров и др., 2023].

В целом, можно сделать вывод, что история ремесленного производства в Санкт-Петербурге изучена поверхностно и неравномерно. Среди петербургских ремесленников немцы в течение длительного времени были одной из самых многочисленных этнических групп. В хлебобулочном производстве они составляли большинство. Исходя из этого цель данной статьи — определить место и роль немецких булочников в городском хозяйстве Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. Основное внимание уделено следующим проблемам: источники формирования профессиональной среды, внутрицеховые отношения и борьба на продовольственном рынке за установление монополии, модернизация производства.

Реконструкция жизни и деятельности ремесленников возможна при использовании различных архивных и опубликованных источников, публицистических и иных материалов. Основу исследования составили в первую очередь прошения, отношения, записки и иные делопроизводственные документы из фондохранилищ центральных и региональных архивов (Российский государственный исторический архив, Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга). Среди опубликованных источников выделяются воспоминания современников, материалы периодической печати («Ремесленная газета») и справочные издания. Важным источником является база данных «Ремесленники Санкт-Петербурга в 1822 г.», подготовленная в рамках реализации научного проекта «Немцы Санкт-Петербурга: история формирования и эволюции этнического сообщества». Эти материалы позволяют выявить источники формирования ремесленной среды, характер отношений ремесленников с органами власти и друг с другом, с представителями других цехов и т.д.

Городская жизнь Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в. постепенно эволюционировала в сторону индустриализации. Модернизационные процессы охватили экономику, местное управление, население. Большое влияние на все сферы оказывало пограничное расположение столицы: многие новации были привнесены из Европы трудовыми мигрантами. Исходя из этого мы вполне обоснованно можем в качестве методологической основы использовать принципы фронтальной модернизации. В исследовательской работе были применены историко-описательный, историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы.

Численность мастеров булочно-кондитерских ремесленников в 1820–1880-х гг.

Мастера-булочники являлись важной частью жизни любого города. В Санкт-Петербурге вплоть до начала XX в. они контролировали хлебобулочное производство. Число ремесленников в отрасли увеличивалось по мере того, как росло городское население. Организационно они были объединены в профессиональные корпорации (цехи), число которых во второй половине XVIII — первой половине XIX в. варьировалось. Так, в 1766 г. ремесленники входили в булочный и хлебный, конфетный, пряничный, калачный цехи. К моменту проведения реформы городского управления в Санкт-Петербурге в 1846–1852 гг. успешно действовали русско-булочный, немецко-булочный, кондитерский и пряничный цехи. Можно согласиться с утверждением А.В. Репиной, что немецкие булочники в столице были «весьма приметной особенностью городской жизни, влияющей на другие ее стороны» [1999, с. 197].

Производство хлебобулочных изделий в Санкт-Петербурге в течение длительного времени находилось в руках разных социальных групп. Так, хлеб выпекали для собственного потребления рядовые городские обыватели. Свои пекарни были в ведении Дворцового ведомства и при дворянских городских усадьбах. Однако значительная часть горожан вынуждена была покупать хлеб. Уже с середины XVIII в. как минимум 30 ремесленников, входивших в немецкий булочный и хлебный цех [ЦГИА СПб. Ф. 221, оп. 1, д. 87, л. 7–8], поставляли свою продукцию на городской рынок.

Регламентация городской жизни в 1785–1799 гг. способствовала формированию цеховой структуры ремесленного производства. С 1785 по 1915 г. все ремесленное население Санкт-Петербурга находилось в ведении Российской и Немецкой (иностранной) ремесленных управ. В российский булочный цех записывались ремесленники, в том числе немцы, имевшие российское подданство. Те же из них, кто сохранял прежнее подданство, были отнесены к ведению немецкого

булочного цеха. По данным на 1822 г., в обывательской книге было записано 122 булочника, из которых 79 были в ведении Немецкой ремесленной управы [Ремесленники Санкт-Петербурга...]. В середине XIX в. в городе числился 241 булочник [Цылов, 1849, с. 4958], на 1858 г. в немецкий булочный цех входили 166 мастеров [ЦГИА СПб. Ф. 479, оп. 1, д. 17, л. 3 об.–5 об.].

Быстрый рост городского населения во второй половине XIX — начале XX в. провоцировал постоянно растущий спрос на товары первой необходимости, среди которых одним из важнейших был хлеб. Во второй половине XIX в. пекарни и булочные были крайне неравномерно размещены в городском пространстве. Самая густая сеть мастерских была в Коломенской части, где на 1 пекарню приходилось 997 жителей¹. Меньше всего пекарен было в Адмиралтейской части: в среднем 1 мастерская обеспечивала хлебом 2207 петербуржцев. Это не говорит о дефиците пекарен. Скорее, свидетельствует о появлении в центральной части столицы крупных предприятий, которые через магазинную сеть реализовывали свои товары. В условиях конкурентной борьбы мелкие ремесленники разорялись либо предпочитали перенести производство в менее дорогие по стоимости жизни районы.

В среднем по городу соотношение пекарен и жителей составляло 1:1444. В промышленных частях Санкт-Петербурга у булочников были хорошие перспективы для развития производства. На это указывают, например, данные по Нарвской (1:2014), Александрово-Невской (1:1950), Петербургской (1:1776), Выборгской (1:1692) частям.

Начиная с 1880-х гг. число немецких булочников постепенно сокращается. Это происходит на фоне общего роста количества пекарен и мастеров. Подобная тенденция стала результатом постепенного изменения этнического состава городского населения. Так, резкий рост численности еврейской общины столицы способствовал появлению значительного числа еврейских булочников, которые открывали свои мастерские как в центральных, так и в окраинных частях города [ЦГИА СПб. Ф. 223, оп. 1, д. 5092]. Некоторые из них, как и немецкие коллеги по цеху, открыв пекарню в одном месте, со временем переводили ее в более перспективное место [Там же, л. 16].

Источники формирования цехового сообщества

Трудовая миграция из германских государств привела к появлению в России большого количества мастеров. В некоторых источниках можно встретить утверждение, что во второй половине XVIII в. именно выходцы из Саксонии, Вюртемберга и других государств «имели за собой высокую квалификацию в булочно-кондитерском производстве (каковых в России в то время не было)» [ЦГА СПб. Ф. Р-6261, оп. 33, д. 57, л. 1]. Подобное утверждение вполне подтверждается ревизскими сказками 1810-х гг. Так, Иоганн Шильдербауер прибыл из Баварии [ЦГИА СПб. Ф. 223, оп. 1, д. 5, л. 245–246], Христиан Шлейх — из Пруссии [Там же, л. 263–264], отсюда же был родом Карл Фридрих Петерс [Там же, д. 4, л. 193–194]. В то же время у многих булочников с немецкими фамилиями отсутствует указание подданства. Это свидетельствует о том, что они были уже «местными уроженцами».

Традиции трудовой миграции сохранялись и в дальнейшем. Наглядным примером интеграции в петербургское сообщество может быть булочник Готфрид Франц Зигмунд (примерно 1806 г. рождения) [Там же, д. 684, л. 1]. Будучи уроженцем Пруссии, он переехал в Россию не позднее 1847 г. и обосновался в столице. Здесь он женился на православной девице Ульяне и, оставаясь иностранным подданным, записался в разряд временных мастеров немецкого булочного цеха. В 1848 г. он принял решение перейти в российское подданство. В сентябре того же года в управе благочиния в присутствии лютеранского пастора он был приведен к присяге [Там же, л. 2]. В соответствии с действовавшим законодательством он должен был «избрать себе род жизни». Выбор был сделан в пользу цеха, в котором с 1850 г. он уже числился как вечномастерской [Там же, л. 11].

Другим источником пополнения цеха становились подмастерья, получавшие по окончании обучения мастерский диплом. Но его наличие не гарантировало открытия собственного пекарского производства. Будучи корпорацией, цех стремился не допустить появления большого количества новых пекарен и, тем самым, снизить доходы уже работавших мастеров. В 1820–1840-х гг. проще было купить уже действующее предприятие, чем открыть новое.

Во второй половине XIX — начале XX в. среди мастеров булочно-кондитерского производства стали преобладать временноцеховые мастера, прибывшие в Санкт-Петербург из других губерний. Этому способствовали реформы 1860–1870-х гг., которые дали толчок внутрироссийским миграциям. Крупные города стали центрами притяжения населения. В них устремились мигранты из провинции, среди которых были и вчерашние немецкие колонисты. Некоторые из них, будучи крупными

¹ Данные приводятся на 1869 г.

предпринимателями в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, открывали мелкотоварные предприятия в столице. Одним из примеров может служить факт открытия бывшим колонистом Э.Э. Борелем, владельцем торгового дома «Э.И. Борель», пекарни с лавкой на ул. Гороховой в Санкт-Петербурге [ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 28, д. 274, л. 12–12 об.].

Изучая историю немецкого булочника в Санкт-Петербурге, задаешься вопросом о семейной преемственности в отрасли. Нами были сопоставлены выборочные персональные сведения о булочниках за 1816, 1822 и 1849 г. Из 19 мастеров, учтенных VII ревизией (1816 г.), лишь 6 булочников владели мастерскими в 1822 г. Все они были причислены к ведомству Русской ремесленной управы и зачислены в постоянный цех. К середине XIX в. мы уже не встречаем фамилии булочников 1816 г., а из списочного состава 1822 г. есть полное совпадение лишь по 10 позициям.

Крайне редко пекарня и лавка находились в руках одного семейства на протяжении двух и более поколений. Этому препятствовали различные факторы. С одной стороны, сказывался демографический фактор: при отсутствии наследника мужского пола мастерская могла стать частью приданого. Хрестоматийным примером является история Иоганна Георга Кенига. В свое время он женился на дочери петербургского булочника Егора (Георга) Вебера. Одновременно с этим он получил одну из булочных тестя во второй Адмиралтейской части у Коношенного моста [Ремесленники Санкт-Петербурга...]. Предприимчивость позволила ему сколотить крупное состояние, приобрести собственный дом на 4 линии Васильевского острова [Цылов, 1849, с. 53]. Однако булочное производство так и не стало семейным делом: его сын Леопольд предпочел заниматься производством сахара, превратившись в одного из сахарных магнатов империи.

Высокая конкуренция, изменения в налоговой политике, необходимость модернизации производства нередко вели к тому, что владельцы вынуждены были продавать свои предприятия. Были и случаи, когда владелец, по его словам, «придя в бедное положение и желая часто заплатить имеющиеся на мне долги, остался в необходимости ту пекарню с свидетельством на нее заложить» [РГИА. Ф. 1287, оп. 8, д. 798, л. 1]. Выставленная на продажу мастерская могла оказаться в руках как успешного мастера, который решил расширить свое производство, так и новоявленного булочника, решившего завести собственную мастерскую. Прежний же владелец, согласно правилам, действовавшим в немецком булочном цехе в дореформенный период, не мог открыть новое заведение, но мог купить уже существующее предприятие.

Наследовать мастерскую могла и вдова. Но очень часто ее продавали третьим лицам. Так, в 1831 г. булочный мастер Клотгак продал пекарню мастеру Мольдту, который по причине преждевременной кончины не успел начать производство. После его смерти пекарня вместе со свидетельством перешла в собственность его вдовы, а она предпочла продать пекарню в том же году мастеру Гартману [РГИА. Ф. 1286, оп. 5, 1833 г., д. 378, л. 6]. Правда, продажа не была полностью завершена. Вдова Мольдт в качестве залога оставила у себя свидетельство на пекарню, которое давало право на работу мастерской. Но всей положенной суммы она так и не получила, а потому продала документ мастеру Валю [Там же, л. 6 об.]. Гартман, получив новое свидетельство, «по кратковременном занятии ремеслом в помянутой пекарне, продал оную мастеру Крафену» [Там же].

Не стоит забывать про высокую смертность во время эпидемий в городах. Торговцы, в том числе булочники, оказались в «группе риска», постоянно контактируя с большим количеством клиентов в начальные этапы эпидемии. Один из современников так описывал события 1831 г. в столице: «Из нескольких сот тысяч, живущих теперь в Петербурге, всякий стоит на краю гроба — сотни летят стремглав в бездну, которая зияет, так сказать, под ногами каждого» [Никитенко, 1893, с. 291–292]. Среди жертв холеры были, несомненно, и немецкие булочники.

Немецкие булочки Санкт-Петербурга: между традицией и модерном

Богатая номенклатура хлебобулочной продукции породила широкую специализацию, которая оформилась в самостоятельные направления. Это привело к существованию в первой половине XIX в. разных пекарских цехов. В условиях конкурентной борьбы цеховая старшина стремилась, с одной стороны, не допустить бесконтрольного появления новых булочных пекарен, а с другой — максимально расширить сферу деятельности собственного цеха за счет ущемления прав смежных корпораций. Эта тема уже отчасти затрагивалась в работах А.В. Келлера [2021, с. 797–812], но на основе новых материалов мы позволим себе развить ее.

На протяжении 1830–1840-х гг. одним из основополагающих нормативных актов в отношении деятельности булочников столицы был составленный в Российской и Немецкой ремесленных управах свод правил, утвержденный в 1830 г. Градской думой, Губернским правлением и военным генерал-губернатором. С одной стороны, мастер булочного цеха, продавший свою

пекарню, лишился права завести новую, но мог купить уже существующую пекарню. С другой стороны, мастер мог добровольно закрыть пекарню с тем, чтобы открыть новое производство в том месте, «где выгодным для себя признает» [РГИА. Ф. 1341, оп. 33, д. 3902, л. 34 об.].

Для такого решения были реальные причины. Как следует из рапорта губернского правления в Правительствующий Сенат, датированного 7 августа 1835 г., «мастера булочного цеха, кои имеют достаточное состояние, устраивая булочные пекарни, перепродавали оные другим, получая от этого значительные прибыли, или имели те пекарни на имена других, кои не могли сами устроить пекарен» [Там же, л. 35].

Нередко состоятельные булочники устраивали пекарни вблизи таковых же, но содержащихся небогатыми мастерами, «от промысла своего получающих только себе с семействами содержание и на уплату казенных и городских повинностей» [Там же, л. 35–35 об.]. Последние, как правило, не выдерживали конкуренции и разорялись. Отмечалось, что, «с размножением в одной улице в соседственном или даже в одном доме пекарен, зажиточные мастера всегда почти уничтожали ремесло бедных мастеров» [Там же, л. 35 об.].

Следует отметить, что, в соответствии с действующим законодательством (ст. 278 и 377 Ремесленных постановлений), мастер мог иметь мастерскую (к таковой была приравнена и булочная пекарня) лишь для производства собственного мастерства либо для сдачи в наем. Законодатель изначально запретил «устанавливать несколько мастерских и перепродавать их» [Там же]. В отношении булочного мастерства столичные чиновники подобные действия расценивали не иначе как спекуляцию («совершенный торг»), ведь зажиточный мастер мог за счет собственных прибылей «устроить пекарню в лучшей части города, то она стоит будет от 1500 до 2000 рублей, а когда продаст ее совсем устроенную, то может получить прибыли с лишком 4000» [Там же]. В некоторых случаях стоимость могла быть выше. Так, немецкого булочного цеха мастер Валь в мае 1831 г. продал свое заведение в Литейной части за 4,5 тыс. руб. [Там же, л. 1 об.]

Подобные действия со стороны ремесленников любых цехов, в том числе булочных, выглядели противозаконными. Один мастер, имея значительный капитал, устраивая в год несколько мастерских, а затем продавая их, занимался уже не ремеслом, но торговлей. Подобные мастера были известны чиновникам: Клозе имел и перепродал три пекарни, Гандесберген — четыре [Там же, л. 36]. Во всех случаях имела место нездоровая конкуренция, так как упомянутые мастера устраивали новые заведения вблизи уже существующих.

Принятие ограничительных мер привело, по сути, к монополизации отрасли цеховыми мастерами. На это указывал Министр внутренних дел в своем рапорте Сенату от 9 декабря 1842 г. В нем говорится, что «цех булочников, состоящий из 164 мастеров, ограничив в видах монополии число пекарен в столице, принимает новых мастеров только в случае приобретения ими существующей уже пекарни» [Там же, л. 59–59 об.]. Это привело к тому, что свидетельства на пекарни стали своего рода ценной бумагой: в Санкт-Петербурге цена такого свидетельства доходила до 12 тыс. руб., в некоторых случаях, как это отмечалось выше, документ могли принимать в качестве залога.

Петербургские булочники и борьба за рынок

В некоторых случаях мастера стремились установить единоличную монополию на производство булочных изделий в дворцовых городах. Так, в 1829 г. на имя управляющего Царским Селом Я.В. Захаржевского было подано прошение царскосельского булочного мастера Федора Хисенгера [РГИА. Ф. 487, оп. 7, д. 3665, л. 2]. В нем проситель указывал, что в течение более 46 лет был единственным владельцем пекарни в городе. Но растущее население создавало благоприятную конъюнктуру для открытия новых булочных. Этим решили воспользоваться мастера Ренварт, Штамер и Митер, которые заявили о своем желании открыть производство в Царском Селе, о чем ими были поданы соответствующие прошения.

В сложившейся ситуации Хисенгер попытался не допустить потенциальных конкурентов. Оставаясь представителем традиционного общества, он выступал с позиций рыночного предпринимательства. В дальнейшем фамилии первых двух конкурентов более не упоминаются. Но с Митеро договориться не удалось. Хисенгер просил отказать просителю в разрешении, указывая, что вынужден был сильно потратиться при строительстве деревянного дома. Не обошлось без кредитов, которые и спустя 10 лет после завершения строительства не были выплачены. Но подобного рода мотивация не привела к желаемому результату. Царскосельский полицмейстер, со своей стороны, обратил внимание Захаржевского на сам тот факт, что булочник «несправедливо просит о недозволении булочному мастеру мекленбургскому подданному Митеру

Немецкие булочники и их место в городском хозяйстве Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в.

завести здесь в городе пекарню» [Там же, л. 2]. Да и сама мотивация, приведенная Хисингером, по его мнению, «не заслуживает никакого уважения» [Там же].

Следует признать, что как в столице, так и близлежащих дворцовых городах местные власти стремились обеспечить население качественными и дешевыми продуктами. В качестве подтверждения можно указать на ситуацию, сложившуюся в Петергофе в середине 1830-х гг. В одном из рапортов на имя вышеупомянутого Захаржевского, занимавшего в 1834 г. должность Главноуправляющего Дворцовым правлением, указывалось, что в Малой Петергофской слободе есть булочник, «но жители неоднократно приносили на него жалобы, что хлеб и булки печет из худой муки и маловесные, а потому никто у него не покупает» [РГИА. Ф. 490, оп. 3, д. 516, л. 3]. В это же время было подано прошение упомянутого выше Санкт-Петербургского булочного мастера Карла Демлера об открытии пекарни в Петергофе, которое было удовлетворено, а в доме вдовы Сазоновой была открыта новая пекарня. Надо сказать, что на устройство новой пекарни мастером было потрачено, по его словам, более 3 тыс. руб. [Там же, л. 8]. В то же время он оставался владельцем пекарни с булочной и в столице. Хлебный рынок Санкт-Петербурга оказался ареной борьбы между представителями разных торгово-ремесленных слоев. Ее результатом непременно должна была стать монополизация хлебного производства.

В 1840-х гг. обострились отношения между булочниками и торговцами в мелких лавках. Поводом к тому стало стремление ремесленников лишиться последних права выпекать и продавать хлебобулочные изделия. Свою позицию они обосновывали тем фактом, что лавочники «присвоили себе право, кроме черного хлеба, печь и продавать булки, сайки, калачи, белый хлеб из крупищатой муки, а как торговцы и лавочники этим присвоением себе незаконно права цеховых мастеров лишают сих последних не только каких бы то ни было выгод, но даже всякой возможности к содержанию себя с семействами и платежу государственных и градских повинностей» [РГИА. Ф. 1287, оп. 2, д. 891, л. 1 об.]. Лавочники в разгоревшемся споре апеллировали к ранее принятым в их пользу решениям. В частности, они ссылались на решение Правительствующего Сената от 22 ноября 1837 г. и предписания Санкт-Петербургскому губернскому правлению и Градской думе от 1838 г. [Там же, л. 9 об.], согласно которым им было разрешено выпекать ржаной и ситный хлеб без обязательной записи в цехи. В одном из своих прошений на имя Министра внутренних дел Л.А. Перовского в 1842 г. они просили закрепить за ними это право де-юре. Нежелание записываться в цехи они объясняли тем, что «содержатели мелочных лавок и без записи в цехах несут на себе платеж весьма многочисленных повинностей: гильдейской, за приказчицы свидетельства, в казенную палату, в доход города, адресную экспедицию, 10-ти % акциз, в городской доход с цены платимой за наем помещения лавок, от каковых повинностей булочные мастера избавлены» [Там же, л. 10].

Однако административный аппарат МВД в лице надворного советника Старикова встал на позицию буквы закона. В своем рапорте вышестоящему начальству он указал на своего рода лукавство вышеназванных просителей. В нем, в частности, отмечалось, что содержатели мелочных лавок на законных основаниях могут выпекать ржаной хлеб для последующей продажи [Там же, л. 21]. При этом «им не воспрещается распродажа в своих лавках всех сортов хлеба, который они могут приобретать от хлебных и булочных мастеров, состоящих в цехах» [Там же]. Следовательно, речь не шла о запрете на торговлю хлебом лавочниками. Возникла необходимость определить границы правового поля, в которых бы вели свои дела как цеховые мастера, так и лавочники. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что власти вовсе не были настроены на превращение российского и немецкого булочного цеха в закрытую корпорацию, предприняв для этого определенные законодательные действия. Напротив, чиновники МВД выступали за предоставление права выпечки из различных сортов муки хлеба, пирогов и другой продукции содержателям мелочных лавок, купцам, мещанам, акцизным крестьянам. Но при условии их записи в цех, уплаты соответствующей пошлины и получения цехового свидетельства, как того требовали нормы действующего Ремесленного устава [Там же, л. 21]. Именно существовавшая бюрократизация вступления в цех отвратила многих от желания выпекать хлеб. Чиновники настоятельно требовали не только соблюдения вышеназванных норм. Потенциальный пекарь должен был выдерживать экзамен перед лицом цеховых старшин. Поток желающих быстро иссяк.

Модернизация пекарского производства

По технической модернизации в хлебопечении Россия отставала от европейских стран. Поездки за границу, переезд иностранных пекарей в Россию стимулировали процесс изобретения и внедрения технических новаций. Наиболее активно этот процесс протекал во второй половине XIX в.

Не всегда пекари были изобретателями. Наиболее предприимчивые из них старались получить привилегию на использование в России печей, изобретенных за границей. Так, в 1849 г. в департамент мануфактур и внутренней торговли Выборгским и временно Санкт-Петербургским купцом Пализеном было подано прошение о предоставлении ему 6-летней привилегии на паровую хлебопекарную печь [РГИА. Ф. 560, оп. 5, д. 269, л. 1]. По практике того времени этот вопрос был изучен в соответствующем ведомстве. В сопроводительной записке в Совет Министра финансов, который принимал окончательное решение о выдаче привилегии, было указано, что упомянутый делец просит о привилегии «на введение... печи, изобретенной Альбеком в Копенгагене, получившим привилегию в Дании и Швеции» [Там же, л. 2]. К слову, в отечественной историографии Пализен или Паллизен, неверно именуется изобретателем этой печи [Келлер, 2021, с. 807].

В сложившейся ситуации Пализен преследовал, несомненно, меркантильный интерес. Согласно техническому описанию, «печенье может продолжаться непрерывно день и ночь. В печи... можно приготовить в сутки до 6000 фунтов хлеба, употребив на ее отопление не более 360 фунтов каменного угля, т.е. не более 1 рубля серебром» [РГИА. Ф. 560, оп. 5, д. 269, л. 33 об.]. Уже 15 января 1849 г. Совет Министра финансов постановил выдать купцу Пализену просимую привилегию. Однако эта печь, несмотря на высокую производительность и относительно низкую себестоимость продукции, не получила широкого распространения в практике.

Нередкими были предложения общего характера, нацеленные на улучшение жизни городских обывателей. Так, в 1856 г. главный архитектор императорских театров Кавос направил Министру Императорского двора графу Адлербергу рапорт по итогам поездки за границу в минувшем 1855 г. Посетив Брюссель, он сошелся с местным бургомистром Бруккером. Последний показал среди прочего пекарные экономические печи с паровыми мельницами. По мнению Кавоса, такие печи могли бы обеспечивать хлебом в требуемом количестве казармы, госпитали, институты, а также жителей столицы [РГИА. Ф. 472, оп. 18 (109/946), д. 46, л. 4]. Однако власти не взяли на себя ответственность по обеспечению горожан хлебом. Основным производителем по-прежнему оставались небольшие пекарни. Владельцы некоторых из них к концу XIX в. постепенно переходили к механизации производственного цикла. Однако ручной труд продолжал доминировать. Хлебопекарные предприятия промышленного типа появились в Санкт-Петербурге только в начале XX в., а к 1917 г. работали две городские хлебопекарни на Забалканском (ныне Московский) проспекте и Большой Вульфовой улице (ныне ул. Чапаева) [РГИА. Ф. 1293, оп. 167, Петербургская губ., д. 270, л. 1].

Тем не менее в конце XIX — начале XX в. техническая модернизация стала неотъемлемой частью ремесленного производства. На имя петербургского губернатора поступали многочисленные прошения, в которых предприниматели просили разрешения установить и использовать паровой двигатель. Со временем все большее распространение стали получать электромоторы. В качестве примера можно указать на прошение, поданное в 1909 г. иностранным мастером Е.А. Рогеном на имя Санкт-Петербургского градоначальника, об открытии хлебопекарни с установкой электромоторов. Предполагалось, что мастерская будет действовать в доме № 14 по набережной Екатерининского канала [РГИА. Ф. 24, оп. 26, д. 1026, л. 1]. Заведение предполагалось разместить в трех комнатах подвального помещения. Площадь пекарни позволяла привлечь к различным работам до 10 человек. Для механизации труда были приобретены тестомес и мельница, которая позволяла получать нужную степень помола зерна. Для приведения механизмов в действие предпринимателем были куплены и установлены два электромотора по одной силе каждый [Там же]. Подобного рода технические приспособления уже стали обыденным явлением в столичных мастерских. При сохранении высокой степени ручного труда, механизация накануне Первой мировой войны позволила значительно повысить производительность. Это, в свою очередь, вызвало новый виток конкурентной борьбы между мелкими предпринимателями из числа состоятельных ремесленников. В ход шли все средства, чтобы не допустить открытия предприятия потенциальным конкурентом.

Так было и с хлебопекарней упомянутого Рогена. Несмотря на то что со стороны Санкт-Петербургского градоначальника Д.В. Драчевского не встречалось никаких препятствий к открытию заведения, о чем был уведомлен отношением Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, «свидетельствующие лица нашли, что заведение не отвечает требованиям общественной безопасности и благоустройства, находится в местности, затопляемой водой, и не соответствует обязательным требованиям Городской думы, касающихся хлебопекарен» [Там же, л. 8]. Это стало формальным поводом для отказа просителю.

Немецкие булочники и их место в городском хозяйстве Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в.

С последней трети XIX в. широкое распространение в пекарнях и булочных стали получать механические приспособления. Многие из них были изобретены в европейских странах и быстро распространились по миру. Этому способствовала реклама в специализированных периодических изданиях — в России, например, в «Ремесленной газете», издававшейся в Москве. В пекарнях и кондитерских для замешивания теста, сбивания сливок и прочих работ использовались специальные машины. Первоначально они имели ручной привод. Примером может служить машинка фирмы Августа Цемша из Висбадена (Германия) (рис. 1). В сопроводительном описании среди преимуществ указывалось, что «работает машинка очень легко и производительность ее значительна» [Машинка для замешивания теста..., с. 1]. Высоту сбивающих венчиков можно было регулировать в зависимости от сосуда, поставленного под мешалку. Другим примером механизации является машинка для нарезания хлеба (рис. 2). В рекламном объявлении отмечалось, что «давно уже введены в употребление хлеборезные машины» [Машина для резания хлеба, с. 1].

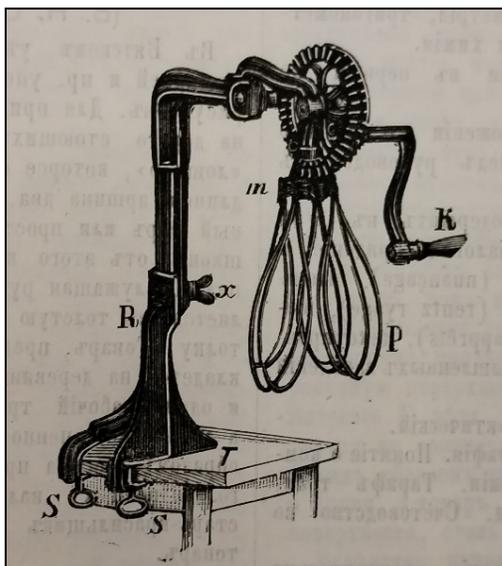

Рис. 1. Механическая машинка для замешивания теста, сбивания сливок [Машинка для замешивания теста..., с. 1].

Fig. 1. Mechanical machine for kneading dough, whipping cream.

Рис. 2. Механическая машинка для резания хлеба [Машина для резания хлеба..., с. 1].

Fig. 2. Mechanical bread cutting machine.

Существенным недостатком прежних машин была необходимость подвигать хлеб под нож вручную. Неосторожность обращения могла привести к травме. Изобретатели решили эту проблему. Например, немецкий инженер Ланге из Дюссельдорфа предложил свою версию хлеборезной машины. Вот как описывалась работа с ней: «Хлеб нарезывается очень быстро и ровными, аккуратными ломтями, причем изрезывается весь, вплоть до последнего ломтя. Так как он подвигается под нож не рукой, как в других машинах, а автоматическим приспособлением, то рука не подвергается опасности попасть под нож» [Там же, с. 1].

Модернизация выражалась не только в техническом и технологическом аспектах. Одним из ее важных составляющих была трансформация социальных отношений внутри цехов. Одним из важных событий стала отмена обязательного условия для открытия новой ремесленной мастерской: ее владелец должен был иметь мастерский диплом либо выдержать специально установленные испытания. Понимая, что эта норма существенно тормозит развитие ремесленного производства как в Санкт-Петербурге, так и других городах, с 1905 г. открыть свою мастерскую разрешили любому желающему, но она должна была находиться в управлении мастера-специалиста, имевшего соответствующий диплом [К вопросу..., с. 31].

В условиях начавшейся Первой русской революции (1905–1907 гг.) на повестку дня вышел вопрос продолжительности рабочего дня для пекарей и булочников. Не дожидаясь принятия в правительственных кругах решения на сей счет, петербургские мастера кондитерско-булочного цеха обсудили этот вопрос в рабочем порядке. В организованной встрече приняли участие и мастера немецкого булочного цеха.

Обсуждение насущного вопроса вызвало горячие споры между владельцами так называемых московских булочных и мелкими мастерами. Вот как выглядела дискуссия между ними:

«— У нас работают 12 часов и это вполне законно! — заявил представитель русских булочных г. Хлапов.

— У вас булочных много, но каково работать нам, мелким булочникам: у нас один пекарь, а покупатель же требует в день три раза свежие булки! — возразил один из мелких булочников.

— Московским булочникам живется хорошо, а другим плохо! — раздался голоса» [Из дел петербургских ремесленников..., с. 31.].

Результатом обсуждения, в котором приняли участие и представители работников, стало утверждение 12-часового рабочего дня для столичных пекарен и булочных.

Выводы

На протяжении второй половины XVIII — начала XX в. немцы играли важную роль в ремесленном производстве Санкт-Петербурга. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере пищевой отрасли, в которой мелкотоварное производство сохраняло свои позиции вплоть до конца 1920-х гг.

Основные источники формирования корпуса немецких мастеров-булочников постепенно трансформировались. Если во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. он пополнялся за счет выходцев из германских государств, то со второй четверти XIX в. можно говорить о появлении значительного числа булочников — уроженцев столицы, которые приобрели соответствующие навыки, пройдя обучение в качестве ученика и подмастерья, получив затем диплом мастера. При этом, как показывают сохранившиеся материалы, в хлебобулочном производстве семейственность не играла определяющей роли.

Уже с 1830-х гг. петербургские булочники, в том числе немцы, предпринимали попытки монополизировать столичный рынок, ограничив возможности открытия новых пекарен. Своего рода «картельный» сговор, опиравшийся на нормативные акты локального характера, не принес желаемого результата. Не последнюю роль в этом сыграла позиция бюрократического аппарата, выступавшего за открытый, но контролируемый рынок. Принятие на рубеже 1840–1850-х гг. цеховых обрядов (уставов) позволило стабилизировать хлебный рынок столицы.

Возросшая во второй половине XIX — начале XX в. конкуренция подталкивала ремесленников к модернизации производственного цикла. Как в пекарнях, так и в булочных стали внедряться механические приспособления. Значительным шагом вперед явилось широкое применение различного рода двигателей, приводивших в действие небольшие мельницы, тестомешалки и другие механизмы. Некоторые законодательные послабления, касавшиеся открытия новых ремесленных мастерских, в начале XX в. способствовали приходу в хлебобулочное производство предпринимателей, которые не имели мастерского диплома, но обладали значительными капиталами. Мелкие булочники не могли позволить себе приобретение технических новинок, и потому ручной труд продолжал доминировать, а рабочий день пекарей составлял 12 часов. К сожалению, предпринятые модернизационные шаги не способствовали интенсификации производства.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вяткин М.П. Экономическая жизнь Петербурга в период разложения и кризиса крепостничества // Очерки истории Ленинграда / Отв. ред. М.П. Вяткин. Т. 1: Период феодализма (1703–1861 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 447–505.

Келлер А.В. Гендерная стратификация цеховых ремесленников Петербурга в XIX в. // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: Материалы Первого Всерос. науч. семинара, Екатеринбург, 19 ноября 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 139–146.

Келлер А.В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII — начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). СПб.: Алетейя, 2020. 630 с.

Келлер А.В. Практики решения цеховых конфликтов и повседневность немецких булочников Санкт-Петербурга первой половины XIX века // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 3. С. 797–812. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.3.610>

Келлер А.В. Российско-прусские коммуникативные практики на примере трудовой миграции берлинского слесаря Ф.В. Кнака в 1836–1837 гг. // *Studia Humanitatis*. 2022. № 2.

Келлер А.В. «Принадлежащее мне булочное заведение — заведение чисто ремесленное (цеховое)»: Трансформация технологических укладов и традиционное хлебобулочное производство российских столиц в XIX веке — от булочной к промышленной пекарне? // *Исторический курьер*. 2023. № 5 (31). С. 159–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-5-11>

Немецкие булочники и их место в городском хозяйстве Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в.

Келлер А.В. Ремесленные цехи Петербурга — от полузакрытой корпорации к полукрытому социальному институту в эпоху ранней индустриализации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия Самарского НЦ РАН. Ист. науки. 2024. Т. 6. № 2 (22). С. 14–27. <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2024-6-2-14-27>

Киреев Н.В., Вяткин М.П. Промышленность // Очерки истории Ленинграда. Т. 2: Период капитализма. Вторая половина XIX века / Отв. ред. Б.М. Кочаков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 75–125.

Макаров В.И. Экономическая жизнь Петербурга 60–90-х годов XVIII в. // Очерки истории Ленинграда / Отв. ред. М.П. Вяткин. Т. 1: Период феодализма (1703–1861 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 251–293.

Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 207 с.

Репина А.В. Немецкие булочники в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger Deutsche. СПб.: Дм. Буланин, 1999. С. 197–204.

Сукновалов Е.А. Экономическая жизнь Петербурга до 60-х годов XVIII в. // Очерки истории Ленинграда / Отв. ред. М.П. Вяткин. Т. 1: Период феодализма (1703–1861 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 52–93.

Шайдуров В.Н., Осипов Н.А., Кайряк А.А. Немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга: Особенности развития в первой половине XIX в. // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8. № 3 (31). С. 48–73. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.532>.

Юхнёва Н.В. Евреи Петербурга в период реформ 1860-х годов: Социально-демографическая характеристика // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования / Сост. и отв. ред. Н.В. Юхнёва. Л.: Наука, 1989. С. 81–112.

ИСТОЧНИКИ

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 24. Оп. 26. Д. 1026; Ф. 472. Оп. 18 (109/946). Д. 46; Ф. 487. Оп. 7. Д. 3665; Ф. 560. Оп. 5. Д. 269; Ф. 1286. Оп. 5: 1833 г. Д. 378; Ф. 1287. Оп. 2. Д. 891; Ф. 1287. Оп. 8. Д. 798; Ф. 1293. Оп. 167: Петербургская губ. Д. 270; Ф. 1341. Оп. 33. Д. 3902.

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-6261. Оп. 33. Д. 57.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 221. Оп. 1. Д. 87; Ф. 223. Оп. 1. Д. 4; Ф. 223. Оп. 1. Д. 5; Ф. 223. Оп. 1. Д. 5092; Ф. 223. Оп. 1. Д. 684; Ф. 479. Оп. 1. Д. 17; Ф. 513. Оп. 28. Д. 274.

Из дел петербургских ремесленников // Ремесленная газета. 1905. № 4. С. 31.

К вопросу о ремесленных мастерских // Ремесленная газета. 1905. № 4. С. 31.

Машина для резания хлеба // Ремесленная газета. 1889 г. № 10. С. 1.

Машинка для замешивания теста, сбивания сливок и т.п. работ // Ремесленная газета. 1889 г. № 22. С. 1.

Никитенко А.В. Записки и дневник (1826-1877). Т. 1. СПб., 1893. С. 291–292.

Ремесленники Санкт-Петербурга в 1822 г. // URL: <http://germspb.ru/person1823/> (дата обращения 15.05.2024 г.).

Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т.п. на 1849 год. СПб., 1849.

Shaidurov V.N. *, Osipov V.A.

Pushkin Leningrad State University, Peterburgskoe shosse, 10, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation
E-mail: s-w-n@mail.ru (Shaidurov V.N.); osipov090996@mail.ru (Osipov V.A.)

German bakers and their position in the urban economy of Saint-Petersburg in the 19th — early 20th century

The results of the study of the position and role of German bakers within the structure of urban economy of Saint-Petersburg in the 19th — early 20th century have been summarized. The theoretical basis of the research is the theory of frontier modernization, which allows tracing changes in the economic life of both the capital of the Russian Empire and some of its inhabitants (German bakers). The devastating wars in Central and Eastern Europe provoked labor migration, as a result of which many Germans moved to Russia in the 18th century. One of the economic “niches” that they successfully occupied in the capital was the production of bread. In this domain, migrants-Germans formed the majority at the turn of the 18th and 19th centuries. Later, the natives of Saint-Petersburg prevailed among German bakers. In the 1820s and 1840s, they managed to monopolize the city's grain market, holding the leadership until the 1880s. During the post-reform period, under the conditions of the interethnic division of labor, they were pushed by numerous Jewish burghers who got engaged into bread-making. In order to maintain their positions, German craftsmen started modernization of their workshops. As a result of technical transformations, electric motors and various mechanical devices became widespread, which contributed to the transformation of the technological cycle. However, these changes did not lead to a massive intensification in production.

Keywords: craft shop, bakers, confectioners, monopolization of the market, technical modernization, St. Petersburg.

* Corresponding author.

Funding. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025.

REFERENCES

- Keller, A.V. (2014). Gender stratification of St. Petersburg craftspeople in the XIX century. In: *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: Materialy Pervogo Vserossiiskogo nauchnogo seminara, Yekaterinburg, November 19, 2014*. Yekaterinburg, 139–146. (Rus.).
- Keller, A.V. (2020). *Artifex Petersburgensis. The craft of St. Petersburg of the XVIII — early XX century (administrative, legislative and socio-economic aspects)*. St. Petersburg: Alethea. (Rus.).
- Keller, A.V. (2021). The practice of solving shop conflicts and the everyday life of German bakers in St. Petersburg in the first half of the XIX century. *Quaestio Rossica*, 9(3), 797–812. (Rus.). <https://doi.org/10.15826/qr.2021.3.610>
- Keller, A.V. (2022). Russian-Prussian communicative practices on the example of labor migration of the Berlin locksmith F.V. Knak in 1836–1837. *Studia Humanitatis*, (2). (Rus.).
- Keller, A.V. (2023). “The bakery that belongs to me is a purely artisanal (workshop) institution”: The transformation of technological structures and traditional bakery production in Russian capitals in the XIX century — from a bakery to an industrial bakery? *Historical Courier*, 5(31), 159–172. (Rus.). <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-5-11>
- Keller, A.V. (2024). Craft workshops of St. Petersburg — from a semi-closed Corporation to a semi-open Social Institution in the era of early industrialization (the second half of the XIX — early XX century). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki*, 6(2), 14–27. (Rus.). <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2024-6-2-14-27>
- Kireev, N.V., Vyatkin, M.P. (1957). Industry. In: *Ocherki istorii Leningrada. T. 2: Period kapitalizma. Vtoraia polovina XIX veka*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 75–125. (Rus.).
- Makarov, V.I. (1955). The economic life of St. Petersburg in the 60–90s of the XVIII century. In: *Ocherki istorii Leningrada. T. 1: Period feodalizma (1703–1861)*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 251–293. (Rus.).
- Pazhitnov, K.A. (1952). *The problem of craft workshops in the legislation of Russian absolutism*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).
- Repina, A.V. (1999). German bakers in St. Petersburg. In: *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy = Die Deutschen in Russland: Petersburger Deutsche*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 197–204. (Rus.).
- Shaidurov, V.N., Osipov, N.A., Kairyak, A.A. (2023). The German craft world of St. Petersburg: Features of development in the first half of the XIX century. *Journal of Frontier Studies*, 8(3), 48–73. (Rus.). <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.532>
- Suknov, E.A. (1955). The economic life of St. Petersburg before the 60s of the XVIII century. In: *Ocherki istorii Leningrada. T. 1: Period feodalizma (1703–1861)*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 52–93. (Rus.).
- Vyatkin, M.P. (1955). The economic life of St. Petersburg in the period of decomposition and crisis of serfdom. In: *Ocherki istorii Leningrada. T. 1: Period feodalizma (1703–1861)*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 447–505. (Rus.).
- Yukhneva, N.V. (1989). The Jews of St. Petersburg during the reform period of the 1860s: Socio-demographic characteristics. In: *Peterburg i guberniia: Istoriko-etnograficheskie issledovaniia*. Leningrad: Nauka, 81–112. (Rus.).

Шайдулов В.Н., <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Осипов Н.А., <http://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

Сведения об авторах:

Шайдулов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Пушкин, Санкт-Петербург.

Осипов Никита Александрович, лаборант, Научно-образовательный центр исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Пушкин, Санкт-Петербург.

About the authors:

Shaidurov, V.N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg.

Osipov, N.A., Pushkin Leningrad State University, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Research Assistant, Pushkin, St. Petersburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 26.02.2025

Article is published: 15.06.2025

«ПРОДАВАТЬ ЛАПШУ, ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ»: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ

Значимой частью повседневной жизни иностранных студентов в чужой стране являются покупка и употребление привычных продуктов питания и товаров с родины. Китайское студенческое сообщество в Томске служит наглядным примером самоорганизации в данном вопросе, особенно в условиях снятия коронавирусных ограничений и увеличения числа иностранных обучающихся в российских регионах. Цель исследования — выявить социальные взаимодействия и формирование экономических ниш внутри китайской студенческой среды в неформальных микроэкономических процессах закупок, обмена и рекламирования товаров, которые представляют для студентов ценность как напоминание о доме и привычном быте. Основным источником этнографической информации послужили результаты включенного наблюдения, проведенного автором в 2022–2024 гг. в Томске и Иркутске. В ходе исследования было выявлено, что студенты не просто созерцательно вписываются в принимающую среду, но создают в ней альтернативные и интерактивные социальные пространства. Повседневные практики как примеры рефлексивной эпистемологии и демонстрации практических знаний показывают (транс)локальность, агентность и инициативу китайских студентов.

Ключевые слова: транслокальность, обеспечение продуктами, неформальная экономика, китайские студенты, самоорганизация.

Ссылка на публикацию: Емец С. «Продавать лапшу, зарабатывать деньги»: неформальные экономические практики китайских студентов в сибирском городе // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 2. С. 189–199. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-17>

Введение

Китайские студенты представляют неотъемлемую часть сообщества иностранных студентов в России. По словам сотрудников управления международных связей Томского государственного университета (ТГУ), среди зачисленных в вуз в 2024 г. студентов было около 500 граждан Китая. В Томском политехническом университете (ТПУ) в 2024/25 учебном году, по разным оценкам, ожидалось до 120 новых студентов из Китая. Китайские студенты четырех томских университетов (ТГУ, ТПУ, Томского государственного педагогического университета и Томского государственного архитектурно-строительного университета) формально объединены в Томское отделение Союза китайских учащихся в России (托木斯克中国留俄学生会 *Tuomusike Zhongguo liu E xuesheng hui*¹), которое напрямую подчиняется посольству КНР в Москве, а не консульству в Екатеринбурге (самому близкому к Томску представительству КНР). Такая иерархия, по словам студентов, связана с тем, что томские университеты, по сравнению с другими сибирскими и дальневосточными, и даже университетами мегаполисов европейской части России, имеют высокие рейтинги, являются стратегическими партнерами китайских университетов и принимают большое число студентов из Китая. Поводами для неформального объединения в группы в общежитиях являются компьютерные игры как хобби, а также приготовление еды и мелкие коммерческие запросы. Зачастую члены таких групп — родственники, земляки или знакомые еще со школы в Китае. По признакам общих образовательных направлений студенты организуются реже.

Предмет настоящего исследования — неформальные практики самоорганизации и монетизации китайских студентов, локализованных в сибирском городе. Нас интересуют два вопроса, касающихся самоорганизации китайских студентов, связанных с немаловажным элементом повседневности — покупкой продуктов с родины. Во-первых, каким образом, кроме местных продуктовых магазинов, студенты обеспечивают себя китайскими продовольственными продуктами. Во-вторых, как формируются практики неформальной микроэкономической занятости китайских сту-

¹ Приводится написание в иероглифах и пиньине.

дентов внутри собственного студенческого сообщества. Погружение в повседневные практики эпистемологически важно, так как позволяет выявить проблемы благосостояния и заработка иностранных студентов в российских регионах на *низовом* уровне, чему в исследованиях адаптации китайских студентов, за исключением редких этнографических работ (см.: [Гунтыпова, 2008; Elokhtina, 2018; Koreshkova, Ivanov, 2024]), не уделяется должного внимания.

Основной тезис (гипотеза) исследования: изучение транснациональных и транскультурных аспектов жизни студентов из Китая необходимо проводить с учетом роли самоорганизации в создании и восприятии ими окружающей их среды. Анализ основан на этнографических свидетельствах, собранных автором в 2022–2024 гг. в ходе полевого исследования, которое включало проживание в общежитии, прогулки и интервью.

Выявленные автором неформальные практики социального и экономического взаимодействия китайских студентов показывают транснациональность снизу. Наша работа продолжает исследования товарообмена и воспроизводства неформальных пространств на этнических рынках (см.: [Пешков, 2015; Дятлов, 2015; Григоричев и др., 2019]) и сетей неформальных взаимодействий, созданных в цифровых и физических пространствах китайскими студентами и предпринимателями (см.: [Elokhtina, 2018; Ryzhova, Koreshkova, 2022; Koreshkova, Ivanov, 2024]), хорошо изученных на примере Иркутска. Также было выявлено, что используемые китайскими студентами цифровые сообщества стабилизируют земляческие сети отношений в конкретной местности [Иванов, Корешкова, 2024] — подобная форма самоорганизации освещается и в данной статье. Нами исследуется опыт обеспечения продуктами питания студентов из Китая, приехавших в Томск в 2022–2023 гг., во время постепенного открытия границ и смягчения коронавирусных ограничений, и обучавшихся по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В большинстве случаев это были студенты из Северного Китая (провинции Шаньдун, Хэнань и Хэйлунцзян), которые владели русским языком и, что эпистемологически важно, поддерживали связи с китайскими предпринимателями и студентами в разных городах Сибири и на родине, благодаря чему образовались неформальные микроэкономические ниши.

Примером создания такой ниши является случай, зафиксированный автором в ходе полевых исследований. Локусом внимания стала предпринимательская деятельность, связанная с социальным пространством общежития и транслокальными сетями студентов. С помощью доставки лапши быстрого приготовления и других продуктов с китайских складов в Иркутске группа студентов начала зарабатывать на потребности соотечественников в Томске в привычной пище и их желании разнообразить свое питание. В статье предпринимается попытка показать, каким образом китайские студенты проявляют собственную агентность в социальном и экономическом пространствах сибирского университетского города (на примере Томска и Иркутска).

Чтобы облегчить поступление в университет и преодолеть сложности адаптации, китайские студенты зачастую обращаются к посредникам. Это коммерческие рекрутеры, а также студенты-соотечественники, которые «лучше разбираются» в житейских нюансах принимающей среды. Они предлагают платную помощь при подаче документов на визу, в организации трансфера из аэропорта и в заселении в общежитие. Знакомя новых студентов с потребительской инфраструктурой, посредники монополизируют информационные ресурсы и структуры помощи.

В литературе встречается мнение, что зависимость от платной помощи посредников снижает самостоятельность студентов [Lan, 2018]. Почувствовав себя комфортно в социальных связях с соотечественниками, они теряют мотивацию к взаимодействию с принимающей культурой [Ding, Stapleton, 2015]. Однако вместо категорий адаптивности антропологам, изучающим опыт китайских студентов, предлагается концепт «само-формирования» (self-formation) [Yang, 2014], отвечающий описываемым нами процессам самоорганизации снизу.

В упрощенном понимании, опирающемся исключительно на дихотомию «свой-чужой», мы становимся лишь субъектами, противопоставляющими себя объектам и подчиняющимися их собственному интеллектуальному и техническому господству [Рикер, 1995, с. 83]. Проблема такой парадигмы заключается в методологическом «интеллектуализме», который не желает черпать знания из субъекта эмпиризма [Мерло-Понти, 1999, с. 53]. В глазах экономического антрополога мир наполнен «товарами и людьми, ведь именно наблюдения за практиками оборота товаров и анализ слов респондентов станут основой рассказа об укрытых структурах и механизмах» [Пешков, 2015, с. 46]. Товары и торговцы находятся в непрерывном движении [Григоричев и др., 2019, с. 123], когда статус студента гарантирует легальное пребывание в России и возможность совмещать учебную (иногда нелегальную) работу [Elokhtina, 2018]. Студенты, подобно китайским торговцам на рынке,

показывают практические знания и способы самоорганизации, открывая миру картину инициативности в социальных процессах и поисках альтернативных движений идей и товаров.

Методология и методы

Этнография, по словам Дж. Маркуса, освещает вопросы повседневности, микропроцессов (по его мнению, это неявная «верификация» включенного наблюдения), холизма и контекстуализации [Marcus, 1980, p. 509]. Изменения в жизни студентов в плане приспособления к чужой среде должны рассматриваться как объект рефлексии. Для объяснения приведем слова Д. Фассена о значении методологии и жанра этнографии: «*Этнография особенно релевантна в малоизученных областях общества, но может быть значительной и в пространствах, насыщенных общепринятыми значениями: в первом случае она освещает неизвестное; во втором она подвергает сомнению очевидное*» [Fassin, 2013, p. 642].

Общение со студентами позволяет «подходить к незнакомому с точки зрения знакомого, но знакомое также нарушается восприятием незнакомого» [Hansen, Thøgersen, 2015, p. 5]. Новая среда побуждает студентов занять культурно рефлексивную и саморефлексивную позицию, а при достаточном отдалении привычная жизнь теряет свою самоочевидность и становится объектом размышления [Там же]. Данные идеи указывают на возможность социально обусловленных ответов на незнакомое в процессах миграции, таких как агентность, инициатива и рефлексивность.

В роли главного информанта выступает 24-летний магистрант, обозначенный в статье как «Брат Ли», что на китайском означает «хороший друг». Приехав в Томск осенью 2022 г., он хорошо овладел русским языком, экономическими знаниями, деловой этикой в России и помогает китайским студентам обжиться в новой среде. Брат Ли проживал в одном общежитии с автором, что позволило наблюдать его предпринимательские практики вблизи.

Неформальные рынки, пересекающие политические, юридические и культурные границы, являются личными и социальными и, главное для этнографов, — *интерактивными* пространствами [Zani, Cocker, 2022]. Микрокосмос общежития похож на этнические рынки как средоточие мобильностей и изменений социальных иерархий [Григоричев и др., 2019, с. 132]. В случае Иркутска выяснилось, что китайскими студентами создана «карта города», состоящая из ограниченного числа мест, включая китайские рестораны и магазины, о которых они узнают через «китайскую сеть взаимодействий» [Korshkova, Ivanov, 2024, p. 615].

Свободное владение китайским языком позволило автору вплотную наблюдать неформальные практики студентов. Участие в повседневной жизни включало посещение учебной аудитории, магазинов и заведений общепита и, что методологически важно, совместное проживание в общежитии. Эти обстоятельства интерсубъективности благоприятно воздействовали на развитие доверия и вход в неформальные измерения социального взаимодействия китайских студентов.

Транслокализируя социальные сети

Развернувшиеся в сторону локальности антропологические исследования позволяют вести диалог между этнографом и информантом в осмыслении временности и пространства. Такая интерсубъективная эпистемология осуществляется в конкретных локальностях, а также в миграционных контекстах [Bocagni, 2017; Dahinden, 2010; Hansen, Thøgersen, 2015]. Локальность выступает как относительное и контекстуальное, а не скалярное или пространственное измерение [Appadurai, 1996, p. 192]. Географические локации занимают центральное место в процессах восприятия дома и преодоления мигрантами временности, однако не менее важными для этнографов являются межличностные отношения внутри этих локаций [Bocagni, 2017, p. 42]. Миграционные исследования часто фокусируются либо на *мобильности*, либо на *локальности*, забывая рассматривать эти аспекты одновременно [Dahinden, 2010, p. 69–70]. Транслокальность показывает социальные связи студентов за пределами общежития, учебной аудитории или города. Важно учитывать различие в человеческом субъективном опыте между *антропологическим*, или символическим, и *геометрическим*, или административным, пространствами [Andermatt Conley, 2012, p. 29]. В противном случае мы ограничиваемся объяснением культурных различий как перехода от репрезентативности к абстракции, в которых равнодушное геометрическое измерение игнорирует интенциональность, образы и агентность человека [Goody, 2010, p. 77].

В декабре 2022 г. Брата Ли пригласил в гости его бывший одноклассник из Иркутска. Поездку на поезде из Томска до Иркутска Брат Ли оплатил сам, а жилье и питание ему обеспечивал пригласивший его друг. Под предоставлением еды в данном случае имеется в виду не просто домашняя еда, а регулярные походы в рестораны. Данная практика называется «приглашать», «угощать» (请客 *qingke*)

и является частью сложной системы межличностных отношений (关系 *guanxi*). Во время выполнения китайской традиции друзья «обсуждали, как заработать на китайских студентах немного денег» (ПМА 1, январь 2023). Таким образом, действия в рамках традиционной практики повлекли за собой желание использовать социальные связи для создания собственного коммерческого предложения.

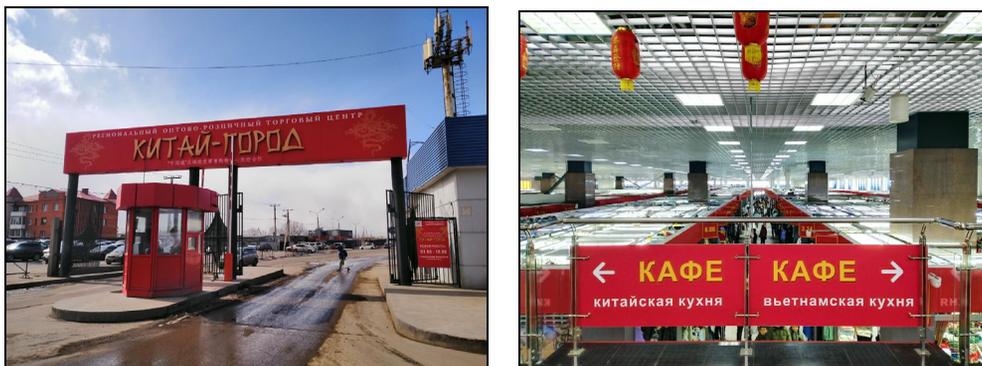

Рис. 1. Региональный оптово-розничный торговый центр «Китай-город» в Иркутске (фото автора, апрель 2023 г.).

Fig. 1. The regional wholesale and retail trade centre “Chinatown” in Irkutsk (author’s photos, April 2023).

Зная об экономической осведомленности Брата Ли, автор попросил показать ему, где китайские студенты покупают то, чего нельзя найти в обычном магазине. Соответствуя своему богатому опыту заработков и наличию полезных транслокальных социальных связей, Брат Ли обращал внимание на то, как активно он поддерживает социальные связи (*guanxi*). Эти связи заключались в видеозвонках другу, работающему переводчиком для китайских инвесторов в Новокузнецке, и в поездке к однокласснику в Иркутск. Опытный в вопросах торговли друг, предоставивший Брату Ли жилье, занимался поставками продуктов и одежды из Китая в Россию через Маньчжурию, Забайкальск и Иркутск и дальше на запад страны. Во время одной из поездок в Иркутск автор посетил оптово-розничный торговый центр (рис. 1), который Брат Ли описал как «место покупок знакомых китайских продуктов» и через который проходят товары из Китая. Здесь находятся склады и магазины одежды и хозяйственных товаров, китайские, вьетнамские и узбекские кафе, а также магазины с большим выбором китайских пищевых продуктов. Студенты часто закупают продукты здесь, а также в китайских продуктовых магазинах, расположенных на территории центрального рынка и торгового центра Шанхай-Сити в центре города (см.: [Дятлов, 2015; Григоричев и др., 2019; Koreschkova, Ivanov, 2024]). Группами по трое-четверо заказывают такси и с полными пакетами продуктов возвращаются обратно в общежитие (ПМА 2, апрель 2023).

Пространства транслокальности, как иной взгляд на парадигмы модернизации и глобализации, воплощают места памяти и инициативы, объединяющие агентств студентов в социализации и предпринимательстве. Глобальные и локальные процессы должны артикулироваться реляционными способами, и не телеологией [Clifford, 1997, p. 7]. Предоставляя мигрантам возможность рефлексировать, антропологи «контрастируют модернизацию и глобализацию с детальными исследованиями транслокальной мобильности, фокусирующимися на различных моделях исторического и современного перемещения и циркуляции в условиях меняющихся ограничений и личных стремлений» [Light, 2018, p. 6].

Неформальная экономика студенчества

Китайские студенты посещают центральный рынок Томска в поисках «хорошего» мяса, которого не хватает в сетевых магазинах. Говядина в обычных супермаркетах дороже и менее вкусна. На рынке можно выбрать и посмотреть, и даже потрогать, именно тот кусок мяса, который необходим для определенного блюда. Если языковые компетенции позволяют, студенты пытаются договариваться о цене. Однако, как знают студенты, торговаться в сетевых магазинах в России и в Китае не принято.

На момент исследования в Томске было два китайских продуктовых магазина (рис. 2), а в Иркутске — не менее десяти, что облегчало студентам поиск привычных продуктов (ПМА 2, апрель 2023). В январе 2023 г. Брат Ли с автором отправились из общежития на центральный рынок Томска посмотреть мясо и найти «маю» (麻油 *mayou*) — масло из острого перца, которое встречается в обычных продуктовых магазинах в Китае, но в сибирском городе его наличие ограниче-

«Продавать лапшу, зарабатывать деньги»: неформальные экономические практики...

но. У Брата Ли возник ряд соображений, связанных с тем, что, по мнению китайских студентов, в Томске мало возможностей разнообразить гастрономическую повседневность. Относительно неудачной поездки на рынок, поскольку не нашел «маю», он сказал: «Я закажу хороший маю у друга в Иркутске, он следующую неделю отправляет мне продукты» (ПМА 1, январь 2023).

Данный эпизод показывает способность быстро найти практическое решение проблемы. Социальные связи транслируются в схемы поведения, позволяющие извлечь из этого решения максимальную пользу. Брат Ли исходил из того, что надо «найти студентов в общежитии, которые хотели купить такие продукты, как лапша, соусы, специи. Но в Томске мало китайских магазинов, и те дорогие» (ПМА 1, январь 2023).

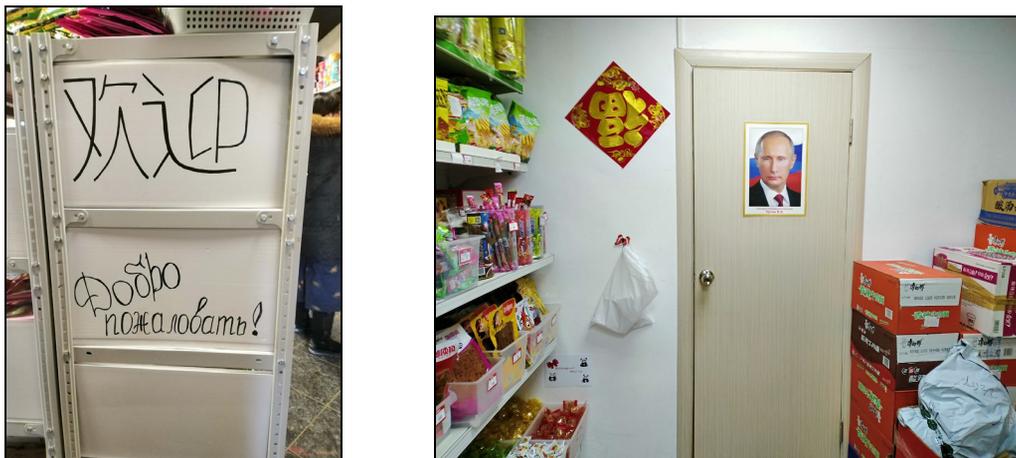

Рис. 2. Детали в двух китайских продуктовых магазинах в Томске (фото автора, февраль 2023 г.).
Fig. 2. Details from two Chinese supermarkets in Tomsk (author's photos, February 2023).

В конце января 2023 г. Брат Ли создал группу в китайском приложении WeChat, в которую добавил соседей-китайцев из общежития, потенциальных клиентов, и автора статьи. Изначально он со своими партнерами планировал всего два-три раза заказать продукты из Китая через Иркутск, однако в итоге быстро расширил круг покупателей и добавил в группу еще 40 студентов. Автор статьи был единственным участником не из Китая и покупал (со скидкой) несколько продуктов, таких как чили-масло и пряники. Студенты оплачивают такие сделки между собой через WeChat в юанях, а также, при наличии рублей, через российские платежные системы. Приложение WeChat позволяет осуществлять денежные переводы из Китая в другую страну и между пользователями, находящимися, например, в России. Это прекрасно работает до сих пор (на момент 2023–2024 гг.), несмотря на санкционные ограничения других транснациональных платежных систем. Для перевода юаней из Китая в Россию китайские студенты пользуются китайскими платежными платформами, такими как WeChat Pay и Alipay, или приложениями собственного китайского банка (обычно это три крупных банка — Bank of China, China Construction Bank и Agricultural Bank of China). Следующий шаг, наиболее решающий в процессах финансового обеспечения, — поиск выгодных и «надежных» (вписывающихся в неформальную, но устойчивую структуру *guanxi*) «обменщиков» валюты. Эти обменщики зачисляют рубли на российскую банковскую карту клиента и в обмен получают юани на свою китайскую банковскую карту. Ежедневно в группах в WeChat объявляются курсы обмена, и нередко опытные студенты и их родственники — предприниматели в сфере торговли или лесопромышленности в Сибири — занимаются данными экстралегальными сделками. Были случаи, когда российские банковские счета обменщиков блокировались местными властями из-за доносов, как ни парадоксально, со стороны граждан Китая. Однако в настоящее время эти практики включают в себя более безопасный перевод и более выгодный обмен денег, чем варианты криптовалюты или платежной системы «Золотая корона». Пользователи китайских платежных систем, в отличие от других иностранцев, а также россиян, не нуждаются в этих иногда ненадежных и непредсказуемых способах трансграничных межбанковских переводов.

Хотя цифровая этнография позволяет проследивать повседневные практики «социального и экономического транснационализма мигрантов» в онлайн-пространстве, таком как WeChat, однако проблемы неформальных предпринимателей должны наблюдаться и в физическом пространстве [Zani, Cocker, 2022]. Например, китайские предприниматели в России предпочи-

тают искать сотрудников и афишировать вакансии не через WeChat, а через личные связи [Ryzhova, Koreshkova, 2022]. Рынок неформальной экономики внутри студенческого сообщества включает в себя разные группы интересов и ниши. Студенты, работающие переводчиками и гидами для соотечественников со слабым знанием языка, не пускают новых акторов в свою нишу. Конкуренция между предприимчивыми студентами, имеющими собственных покупателей и клиентов, большая. Не каждый китайский обучающийся, которому Брат Ли очно предлагал услуги по покупке продуктов или обмена валюты, соглашался воспользоваться его услугами. На фотографии (рис. 3) показаны заказанные из Иркутска продукты, которые Брат Ли хранил в своей комнате в общежитии. В нескольких случаях, наблюдаемых автором в общежитии, Брат Ли получал доброжелательные предупреждения, что нельзя крупными партиями продавать вещи. Один раз на кухне его соотечественница, магистрантка (23 года), предупреждала его, что лучше не «лазить туда, где уже есть другие» (ПМА 1, февраль 2023).

Рис. 3. Китайские продукты в общежитии в Томске (фотография автора, февраль 2023 г.).

Fig. 3. Chinese food products in a dormitory in Tomsk (author's photo, February 2023).

Далее приводится таблица со списком продуктов (и ценником), которые Брат Ли продавал с товарищами (студентом бакалавриата, 21 года, и студентом магистратуры, 25 лет). Информация была опубликована в WeChat. Список включал широкий выбор быстрорастворимой лапши, фунчозу и острый соус. Это не какие-то особенные продукты, похожие встречаются в больших российских сетевых магазинах, а также в азиатских магазинах, которые возникают в крупных городах, таких как Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск, Барнаул и Иркутск, где побывал автор. Магазины «паназиа-тских снеков, лапши и сладостей» привлекают местных покупателей, интересующихся популярной музыкой и сериалами Южной Кореи, японским аниме и китайскими историческими сериалами, а также вообще восточно-азиатской кухней и культурой питания. Важно отметить, что на первом месте в списке, созданном для китайских студентов в Томске, указана «улиточная лапша» марки Naohuan luo из города Лючжоу Гуанси-Чжуанского автономного района. Улиточная рисовая лапша (螺蛳粉 *luosi fen*) на бульоне из пресноводной улитки (*Sinotaia quadrata*, на кит. 螺蛳 *luosi*) пользуется популярностью в среде молодых китайцев. О ней мечтают и китайские студенты в России, так как данный вид лапши, и тем более вариант «с добавленной остротой и запахом» (加辣加臭 *jia la jia chou*), заказанный командой Брата Ли, редко встречается в обычных магазинах и в быстро распространяющихся точках продажи «паназиа-тских вкусняшек».

В списке имеется несколько специфически китайских продуктов, которые, с большой вероятностью, не купишь в обычных местах в сибирском городе, кроме «этнических» китайских магазинов. Это показывает, что команда Брата Ли думала о конкурентоспособности. Например, саморазогревающаяся лапша популярна у студентов, и они зачастую сами привозят ее в чемоданах. Однако из-за технических особенностей, таких как нагревательные элементы, запускающие автоматический нагрев после добавления кипятка, эта лапша вызывает у пограничного контроля сомнения в ее пожарной безопасности, поэтому ее часто конфискуют на контроле в аэропортах еще в Китае. Корейская лапша марки Shin Ramyun в обычных сетевых магазинах в России стоит дороже, чем заказанная студентами-предпринимателями и привезенная китайскими поставщиками на грузовиках и поезде через Маньчжурию, Забайкальск и Иркутск в Томск. И это общеизвестно китайским студентам.

Китайские продукты, заказанные в Иркутске для доставки в Томск
(перевод автора, январь 2023 г.)

Chinese food products ordered in Irkutsk for delivery to Tomsk (author's translation, January 2023)

Китайское название	Перевод на русский	Цена в рублях	Более 5 шт.	Более 10 шт.
好欢螺 (Haohuan luo)	Улиточная лапша быстрого приготовления	300	280	
幸拉面 (Xing lamian)	Корейская лапша быстрого приготовления Shin Ramyun	150	125	
汤大人 (Tang Daren)	Лапша быстрого приготовления на бульоне из свиных костей	160	150	
康师傅 (小鸡炖蘑菇) (Kang Shi Fu (xiao ji dun mogu))	Kang Shi Fu лапша быстрого приготовления (грибы и тушеный цыпленок)	80		70
康师傅 (老坛酸菜) (Kang Shi Fu (Lao Tan suan cai))	Kang Shi Fu лапша быстрого приготовления (квашеная капуста)	80		70
康师傅 (酸辣牛肉面) (Kang Shi Fu (suanla niurou mian))	Kang Shi Fu лапша быстрого приготовления (квашеная острая капуста и говядина)	80		70
康师傅 (红烧牛肉面) (Kang Shi Fu (Hongshao niurou mian))	Kang Shi Fu лапша быстрого приготовления (говядина хуншао)	80		70
代粉丝馆 (Dai fensi guan)	Фунчоза	80		
火鸡面 (huo ji mian)	Лапша быстрого приготовления (острая курица)	160	150	
自热火锅 (zi re huoguo)	Саморазогревающаяся лапша (самовар-лапша)	650	550	
老干妈花生 (Laoganma huasheng)	Чили-масло Лаоганма с арахисом	250	230	
大白兔 (Da bai tu)	Конфеты «Белый кролик»	150		
海底捞火锅蘸料 (Hai Di Lao huoguo zhanliao)	Соус для китайского самовара Hai Di Lao	150		
老婆饼 (laopo bing)	Слоеный пряник «лаопо бин»	200		
沙琪玛 (shaqima)	Шачима (аналог чак-чака)	250		

Указанный в списке «слоеный пряник», типичное для Южного Китая, нежное мучное изделие со сладким корпусом из миндальной и кунжутной пасты, клейкого риса и восковой тыквы (*Benincasa pruriens*, на кит. 冬瓜 *donggua* — букв. «зимняя тыква»), представляет собой приличный подарок. Такой подарок делается без подтекста, чтобы подкрепить дружеские связи, является аналогом русского понятия «к чаю». Однако это не всегда так: кроме дорогого, элитного чая студенты дарят такие сладости российским преподавателям и заведующим общежитием с целью получения мелких льгот. Подарки, как объяснила аспирантка (26 лет), — в Китае неотъемлемая часть системы межличностных отношений (*guanxi*), которая транслируется студентами в транскультурных встречах в учебных аудиториях, на кафедрах и в офисах общежитий. Похожие неформальные практики используются и российскими студентами, дарящими коробки конфет с целью переселиться в более комфортную комнату или избежать штрафов за несоблюдение правил. Разница в том, что китайские студенты в России, как объяснила аспирантка, ошибочно думают, что если они «дарят подарки» (送礼 *song li*) и сотрудники в ответ «принимают подарки» (受礼 *shou li*), то это обязательно способствует успеху в удовлетворении желаний со стороны принимающего — носителя иной культуры. Аспирантка рассказала про случай, как ее соотечественник возвращал заведующей административно-хозяйственной частью общежития одеяла и подушки в неприличном состоянии. Вручая подарок, состоящий из чая и пряников, он хотел обойтись без покупки нового постельного белья. Постулируя социальный мир как место диалога разных ценностных систем, она прокомментировала этот случай следующим образом: «Русский человек в такой позиции не уловит намека и подумает, что это просто какие-то милые подарочки от улыбающегося китайца. Китайцы привыкли к таким хитрым поступкам, я считаю, это неправильно. Пусть купит новое белье, а не тратит на коробки чая» (ПМА 1, май 2024).

Идея продавать продукты и ее практическое воплощение, несмотря на прибыль, пусть и небольшую, его команды, усугубили уже сформировавшийся критический взгляд Брата Ли на соотечественников, слабо социализировавшихся в новой университетской и потребительской среде. Свое намерение подзаработать за счет других китайских студентов он объяснил тем, что «ничего страшного в этом нет», так как они экономически благополучны. Отличия, которые он отмечал между социально (не)компетентными соотечественниками и собой, привели его к заключению, что «у родителей китайских студентов много денег, но в таком случае студенты не могут сами разбираться. На самом деле, я более не хочу иметь с ними ничего общего» (ПМА 1, апрель 2023). Брат Ли утверждал, что, в отличие от него, они были избалованы с детства и впоследствии оказались не в состоянии самостоятельно «разобраться» (想办法 *xiang banfa*) в чужом обществе. Его раздражение дошло до такой степени, что он не хотел «иметь с ними ничего общего» в буквальном смысле слова. Его предприятие по заработку на других китайцах за счет их слабых социальных навыков приспособления характеризовалось

кратковременностью. Он сумел обеспечить себя и накопить опыт как в Китае, так и во время обучения в России, тогда как типичные, по его мнению, студенты полностью зависели от семьи и поддержки опытных соотечественников и коммерческих рекрутинговых агентств.

Брат Ли часто ездил к китайскому поставщику, чья логистическая точка находилась в китайском продуктовом магазине в Томске. Это было место, которое казалось дорогим для него и его китайских «партнеров» в общежитии. Друг из Иркутска несколько раз отправлял туда посылки, и Брату Ли необходимо было общаться с владельцем магазина и склада. С владельцем он начинал обсуждать рентабельность отправки меда из Томской и Кемеровской областей в Китай. Он оценивал значимость своего опыта работы в Китае и России в сравнении с другими студентами: *«Мама всегда заставляла меня заниматься чем-нибудь самостоятельно. Во время двух летних каникул я зарабатывал. Когда-то я был учителем русского языка в Китае. Друг попросил меня об этом, в нашем родном городе изучаются различные иностранные языки: русский, немецкий, испанский. Затем я был официантом в Иркутске и заработал 6000 юаней за два месяца, они обеспечили питание и проживание»* (ПМА 1, апрель 2023).

В антропологии тождественность повседневности становится центральным объектом познания. Каналы товарообмена и усложнение социальных связей можно охарактеризовать как антропологизированную тождественность. Так как наш этнографический текст освещает вопросы самоорганизации в противовес парадигме пассивной адаптивности, остановимся на проблеме адаптивности в исследовательских дискурсах.

Дискуссия: о парадигме адаптивности

В повседневном социальном взаимодействии китайских студентов в Сибири целесообразно обсудить процессы мобильности и неформальности.

Китайский антрополог Ян Пэйдун критиковал англоязычную литературу на тему адаптации китайских студентов, которая обращается за информацией к понятийному инвентарю кросс-культурной психологии, не использующей качественные методы. Исследования склоняются к абсолютизирующей парадигме «адаптации», а не к выявлению субъективных изменений в опыте. Такая парадигма чрезмерно упрощает картину опыта иностранных студентов как пассивных субъектов, «адаптирующихся» (adapting) или «вписывающихся» (fitting in) в принимающую среду [Yang, 2014, p. 235]. В исследовании «адаптивности» китайских студентов в России также использовались многошкальные измерения «активной социально-психологической адаптивности» [Bordovskaia et al., 2018]. Имея ограниченный доступ к повседневной жизни студентов, исследователи опираются на количественные методы. Например, утверждается, что китайские студенты «подменяют» адаптацию псевдоадаптацией и аккомодацией, или «застревают» на каком-то этапе адаптации [Чеснокова, 2012, с. 85]. Категории идентичности и единицы адаптивности, относящиеся к аспектам академического, лингвистического и культурного барьеров со стороны принимающего общества, не позволяют выявить механизмы и практики самоорганизации иностранных студентов в российской образовательной среде. К жанру этнографического трактата «адаптации» китайских студентов, не нагруженной социометрией и кросс-культурной этнопсихологией, относится исследование китайских студентов в Улан-Удэ. Исследователь Э.С. Гунтыпова, являющаяся во время исследования преподавателем, наблюдала, что студенты получают посылки с родины через родственников и знакомых. Также она заметила, что студенты подстригают друг друга и не посещают местного парикмахера [Гунтыпова, 2009, с. 213]. Данные сюжеты вызывают вопросы о самоорганизации и неформальных объединениях взаимопомощи.

В китайской антропологической литературе о китайских образовательных мигрантах предлагается уже упомянутый нами концепт «само-формирования», сопоставимый с концептом самоорганизации, который заменяет статичные категории адаптивности [Yang, 2014]. Критикуется проблема аналитической зависимости от нео-эссенциалистских «культурных различий», включая «ассимиляцию», «аккультурацию» и «адаптацию» в доминирующее общество, которые рассматриваются как идеальный конечный продукт для смягчения негативного опыта иностранных студентов [Yu, 2021, p. 4]. Студенты используют преимущества мобильности. Они не однородная группа, которая, как предполагает политика университетов, одинаково переживает пересечение национальных и образовательных границ. Таким образом, по мнению антрополога Юй, *«рассмотрение международного образования как непрерывного процесса само-формирования позволяет нам рассматривать иностранных студентов не как слабых, хрупких, зависимых субъектов, как это принято в доминирующих дискурсах»* [Там же, p. 5]. Продажа продуктов китайскими студентами китайским же сту-

«Продавать лапшу, зарабатывать деньги»: неформальные экономические практики...

дентам, показывает, что они становятся активными субъектами в чужой среде, не ограничивающимися оценками адаптивности, придаваемыми ими извне.

Новые примеры межкультурного коммерческого взаимодействия заслуживают дальнейшего исследовательского внимания — китайские студенты вместе с российскими студентами, предоставляющими сопутствующую документацию и юридическую консультацию, начинают регистрироваться на электронных торговых площадках в России и продают канцелярские товары и обувь, которые они привозят в чемоданах из Китая.

Заключение

Наблюдение социального и экономического взаимодействия предоставляет возможность узнать о потребительских предпочтениях в повседневной жизни и планах на будущее. Такое исследование вносит вклад в понимание специфики повседневной самоорганизации и агентности иностранных студентов в принимающих обществах, не навязывая социометрические категории адаптивности и статичные интерпретационные рамки. Реакции, основанные на транслокальных социальных связях, заслуживают более глубокого эпистемологического и текстового освещения.

Траектории транслокального товарообмена, а также усложнение социальных связей, которые позволяют осуществлять монетизацию неформальных практик предоставления и употребления в пищу привычных продуктов внутри студенческого сообщества, являются частью самоорганизации студентов. В неформальной обстановке студенты формируют небольшие группы с целью продажи привычных продуктов питания, предоставляя собственные практические интерпретации локализованных процессов социализации в контексте транснациональной миграции. Эти интерпретации являются конкретным ответом на ежедневно возникающие в студенческой среде сложности адаптации и формирование социальной иерархии. Социальные связи с соотечественниками в разных городах Сибири показывают важность автобиографических, т.е. «историзированных», описаний, а также удовлетворения потребительской и социальной интересности с другими студентами и предпринимателями. Практические аспекты повседневной жизни студентов в чужой среде обитания свидетельствуют об их самоорганизации, рефлексивности и инициативе приспособления к информационным ресурсам и структурам взаимопомощи, а также монетизации повседневности, осуществляющейся снизу. Эти этнографические обстоятельства должны учитываться в осмыслении параметров неформальности в студенческой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Бязгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.

Гунтыпова Э.С. Китайские студенты в БГСХА: Стратегические перспективы академии и сложности взаимной адаптации // Интеграция экономических мигрантов в регионах России: Формальные и неформальные практики. Иркутск: Оттиск, 2009. С. 208–222.

Дятлов В. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Этнические рынки в России: Пространство торгового и места встречи. Иркутск: Изд-во ИРГУ, 2015. С. 105–123.

Иванов К.А., Корешикова Ю.О. Студенты в «сети»: Социальные медиа как актор сборки «сетевых пространств» образовательных мигрантов в Иркутске // ЭО. 2024. № 5. С. 136–156. <https://doi.org/10.13039/501100006769>

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. 608 с.

Пешков И. «Восточный рынок» на постсоветском «Востоке»: Анализ подходов к восточным моделям товарно-вещевых рынков Восточной Сибири и Дальнего Востока // Этнические рынки в России: Пространство торгового и места встречи. Иркутск: Изд-во ИРГУ, 2015. С. 42–74.

Рикер П. Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью. Москва: КАМІ, 1995. 160 с.

Чеснокова Н.В. Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2012. Т. 1. № 20. С. 80–86.

Andermatt Conley V. Spatial Ecologies: Urban Sites, State and World-space in French Cultural Theory. Liverpool: Liverpool University Press, 2012. 171 p. <https://doi.org/10.5949/UPO9781846317217>

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

Boccagni P. Migration and the Search for Home: Mapping Domestic Space in Migrants' Everyday Lives. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2017. 136 p. <https://10.1057/978-1-137-58802-9>

Bordovskaia N.V., Anderson C., Bochkina N., Petanova E.I. The adaptive capabilities of Chinese students studying in Chinese, British and Russian universities // International Journal of Higher Education. 2018. Vol. 7. № 4. P. 1–16. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v7n4p1>

Clifford J. Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1997. 416 p.

Емец С.

- Dahinden J.* The dynamics of migrants' transnational formations: Between mobility and locality // *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 51–71.
- Ding F., Stapleton P.* Self-emergent peer support using online social networking during cross-border transition // *Australasian Journal of Educational Technology*. 2015. Vol. 31. № 6. P. 671–684. <https://doi.org/10.14742/ajet.2305>
- Elokhina Y.V.* International students in Siberian universities: Informal practices of status commodification // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. Vol. 11. № 11. P. 1794–1804.
- Fassin D.* Why ethnography matters: On anthropology and its publics // *Cultural Anthropology*. 2013. Vol. 4. № 28. P. 621–646. <https://doi.org/10.1111/cuan.12030>
- Goody J.* *The Eurasian Miracle*. Cambridge: Polity Press, 2010. 158 p.
- Hansen A.S., Thøgersen S.* The anthropology of Chinese transnational educational migration // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2015. Vol. 44. № 3. P. 3–14. <https://doi.org/10.1177/1868102615044003>
- Koreshkova I., Ivanov K.* Possibility or barrier? The influence of digitalization on the adaptation of student-migrants (the case of Siberia) // *Italian Sociological Review*. 2024. Vol. 14. № 10S. P. 603–624. <https://doi.org/10.13136/isr.v14i10S.812>
- Lan S.* State-mediated brokerage system in China's self-funded study abroad market // *International Migration*. 2018. Vol. 57 № 3. P. 266–279. <https://doi.org/10.1111/imig.12515>
- Light N.* Foreword // *Mobilities, Boundaries, and Travelling Ideas: Rethinking Translocality Beyond Central Asia and the Caucasus*. Cambridge: Open Book Publishers, 2018. P. 5–25. <https://doi.org/10.11647/OBP.0114>
- Marcus G.E.* Rhetoric and the ethnographic genre in anthropological research // *Current Anthropology*. 1980. Vol. 21. № 4. P. 507–510.
- Ryzhova N., Koreshkova I.* WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // *WeChat and the Chinese Diaspora*. L.: Routledge, 2022. P. 38–56. <https://doi.org/10.4324/9781003154754-4>
- Yang P.* A phenomenology of being “very China”: An ethnographic report on the self-formation experiences of mainland Chinese undergraduate “foreign talents” in Singapore // *Asian Journal of Social Science*. 2014. Vol. 42. № 3–4. P. 233–261. <https://doi.org/10.1080/03057925.2020.1764334>
- Yu J.* Caught in the middle? Chinese international students' self-formation amid politics and pandemic // *International Journal of Chinese Education*. 2021. Vol. 10. № 3. P. 1–15. <https://doi.org/10.1177/221258682110589>
- Zani B., Cockel I.* How far can chicken feet travel? The transgression of contested sovereign borders and Chinese women's e-entrepreneurship between Taiwan and China // *Transfers*. 2022. Vol. 12. № 3. P. 66–85. <https://doi.org/10.3167/TRANS.2022.120306>

ИСТОЧНИКИ

ПМА 1 — полевые материалы автора, собранные в Томске в 2023–2024 гг.

ПМА 2 — полевые материалы автора, собранные в Иркутске в 2023 г.

Jemec S.

Tomsk State University, prosp. Lenina, 36, Tomsk, 634050, Russian Federation

E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

“Selling noodles, making money”: informal economic practices of Chinese students in a Siberian city

The purchase and consumption of familiar foods and goods from their homeland is a significant part of the daily life of international students in a foreign country. The Chinese student community in Tomsk represents a clear example of self-organization in this matter, especially in the context of lifting of coronavirus restrictions and the increase in the number of foreign students in Russian regions. The purpose of this study was to identify the social interactions and the formation of economic niches within the Chinese student environment in the informal microeconomic processes of purchasing, exchange and advertising of goods that are important for students as a reminder of their home and familiar life. The main source of ethnographic information was the results of participant observation conducted by the author in 2022–2024 in Tomsk and Irkutsk. The study revealed that students do not just contemplatively fit into the host environment, but create alternative and interactive social spaces in it. Everyday practices, as examples of reflective epistemology and demonstrations of practical knowledge, demonstrate the (trans)locality, agency, and initiative of Chinese students.

Keywords: translocality, provision of goods, informal economy, Chinese students, self-organisation.

REFERENCES

- Andermatt Conley, V. (2012). *Spatial Ecologies: Urban Sites, State and World-space in French Cultural Theory*. Liverpool: Liverpool University Press. <https://doi.org/10.5949/UPO9781846317217>
- Appadurai, A. (1996). *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: The University of Minnesota Press.
- Boccagni, P. (2017) *Migration and the Search for Home: Mapping Domestic Space in Migrants' Everyday Lives*, New York: Palgrave Macmillan.

«Продавать лапшу, зарабатывать деньги»: неформальные экономические практики...

Bordovskaia, N.V., Anderson, C., Bochkina, N., Petanova, E.I. (2018). The adaptive capabilities of Chinese students studying in Chinese, British and Russian universities. *International Journal of Higher Education*, 7(4), 1–16.

Chesnokova, N.V. (2012). Ethnocultural aspects of adaptation of Chinese students in Russia. *Oikumena: Regionovedcheskie issledovaniya*, 20, 80–86. (Rus).

Clifford, J. (1997). *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press.

Dahinden, J. (2010). The dynamics of migrants' transnational formations: Between mobility and locality. In: R. Bauböck, T. Faist (Eds.). *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 51–71.

Ding, F., Stapleton, P. (2015). Self-emergent peer support using online social networking during cross-border transition. *Australasian Journal of Educational Technology*, 31(6), 671–684. <https://doi.org/10.14742/ajet.2305>

Dyatlov, V. (2015). "Chinese" market "Shanghai" in Irkutsk: The role in urban community life. In: V. Dyatlov, K. Grigorichev (Eds.). *Etnicheskie rynki v Rossii: Prostranstvo torga i mesto vstrechi*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 42–74. (Rus).

Elokhina, Y.V. (2018). International students in Siberian universities: Informal practices of status commodification. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11(11), 1794–1804.

Fassin, D. (2013). Why ethnography matters: On anthropology and its publics. *Cultural Anthropology*, 4(28), 621–646. <https://doi.org/10.1111/cuan.12030>

Goody, J. (2010). *The Eurasian Miracle*. Cambridge: Polity Press.

Grigorichev, K.V., Dyatlov, V.I., Timoshkin, D.O., Byazgina, D.E. (2019). *Bazaar and the City: People, Spaces, Images*. Irkutsk: Ottisk. (Rus).

Guntypova, E.S. (2009). Chinese students at the Buryat State Agriculture Academy: Strategic perspectives of the academy and difficulties of mutual adaptation. In: N.P. Ryzhova (Ed.). *Integratsiya ekonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii: Formal'nye i neformal'nye praktiki*. Irkutsk: Ottisk, 208–222. (Rus).

Hansen, A.S., Thøgersen, S. (2015). The anthropology of Chinese transnational educational migration. *Journal of Current Chinese Affairs*, 44(3), 3–14. <https://doi.org/10.1177/1868102615044003>

Ivanov, K.A., Koreshkova, I.O. (2024). Students on the "Web": Social Media as an Actor in Assembling "Network Spaces" of Educational Migrants in Irkutsk. *Etnograficheskoe obozrenie*, (5), 136–156. (Rus). <https://doi.org/10.13039/501100006769>

Koreshkova, I., Ivanov, K. (2024). Possibility or barrier? The influence of digitalization on the adaptation of student-migrants (the case of Siberia). *Italian Sociological Review*, 14(10S), 603–624. <https://doi.org/10.13136/isr.v14i10S.812>

Lan, S. (2018). State-mediated brokerage system in China's self-funded study abroad market. *International Migration*, 57(3), 266–279. <https://doi.org/10.1111/imig.12515>

Light, N. (2018). Foreword. In: M. Stephan-Emmrich, P. Schröder (Eds.). *Mobilities, Boundaries, and Travelling Ideas: Rethinking Translocality Beyond Central Asia and the Caucasus*. Cambridge: Open Book Publishers, 5–25.

Marcus, G.E. (1980). Rhetoric and the ethnographic genre in anthropological research. *Current Anthropology*, 21(4), 507–510.

Merleau-Ponty, M. (1999). *Phénoménologie de la Perception*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).

Peshkov, I. (2015). An "Eastern" market in the post-Soviet "East": Analysis of attitudes towards the eastern models of commodity markets in Eastern Siberia and the Far East. In: V. Dyatlov, K. Grigorichev (Eds.). *Etnicheskie rynki v Rossii: Prostranstvo torga i mesto vstrechi*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 42–74. (Rus).

Ricoeur, P. (1995). *Hermeneutics. Ethics. Politics: Moscow lectures and interviews*. Moscow: KAMI. (Rus.).

Ryzhova, N., Koreshkova, I. (2022). WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets. In: W. Sun, H. Yu (Eds.). *WeChat and the Chinese Diaspora*. London: Routledge, 38–56. <https://doi.org/10.4324/9781003154754-4>

Yang, P. (2014). A phenomenology of being "Very China": An ethnographic report on the self-formation experiences of Mainland Chinese undergraduate "foreign talents" in Singapore. *Asian Journal of Social Science*, 42(3–4), 233–261. <https://doi.org/10.1080/03057925.2020.1764334>

Yu, J. (2021). Caught in the middle? Chinese international students' self-formation amid politics and pandemic. *International Journal of Chinese Education*, 10(3), 1–15. <https://doi.org/10.1177/221258682110589>

Zani, B., Cockel, I. (2022). How far can chicken feet travel? The transgression of contested sovereign borders and Chinese women's e-entrepreneurship between Taiwan and China. *Transfers*, 12(3), 66–85. <https://doi.org/10.3167/TRANS.2022.120306>

Емец С., <https://orcid.org/0000-0003-3845-7084>

Сведения об авторе: Емец Себастьян, аспирант, Томский государственный университет, Томск.

About the author: Jemec, S., PhD Student, Tomsk State University, Tomsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 26.02.2025

Article is published: 15.06.2025

Козлов В.Е.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420015
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

КУЛЬТУРНАЯ ДИСТАНЦИЯ И ОБРАЗ МИГРАНТА У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: «ЧУЖОЙ», «ДРУГОЙ», «ТЕРПИМЫЙ»

Рассматриваются особенности восприятия мигрантов русским населением Республики Татарстан, отражающие величину межгрупповой социальной дистанции. Одним из формирующих ее факторов выступает обобщенный образ мигранта, преобладающий в среде местных русских, который можно свести к трем условным типам: «чужой», «другой», «терпимый». Каждый из них, помимо социокультурных, несет коннотации, эквивалентные характеристикам межгрупповой дистанции — близкой, средней, большой. Целью работы является анализ социальной дистанции между русским населением Татарстана и мигрантами, представляемой в обобщенных образных номинациях «чужой», «другой» и «терпимый», а также факторов, влияющих на нее. Основой послужили материалы комплексного исследования «Русское население Республики Татарстан», осуществленного в 2022 г., а также результаты других исследований по этнической тематике, проведенных в 2023–2024 гг. Можно отметить заметно актуализировавшуюся за последние два года в местном поликультурном сообществе проблему мигрантов, которая влияет как на восприятие последних, так и на установки во взаимодействии с ними. Преобладающим у русского населения республики остается образ мигранта как «другого» с тенденцией к трансформации в образ «чужого», что свидетельствует о увеличении межгрупповой социальной дистанции.

Ключевые слова: мигрант, этническая идентичность, культурная дистанция, этнический стереотип, автохтонная группа, гетерогенность.

Ссылка на публикацию: Козлов В.Е. Культурная дистанция и образ мигранта у русского населения Республики Татарстан: «чужой», «другой», «терпимый» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-18>

Введение

Высокое положительное «сальдо» миграции последних двух десятилетий привело к тому, что в России это явление артикулируется в форме общественной проблемы, имеющей волнообразную актуализацию. Резонансные информационные поводы 2024 г. способствовали новой эскалации миграционной темы, получившей оценку со стороны не только общественности и политиков, но и высшего руководства страны¹. Ключевым нарративом в теме мигрантов, который открыто или подспудно присутствует как в позициях обывателя, так и у профессиональных акторов государственной национальной политики, является культурная дистанция между «приезжими» и принимающим населением, которое, как правило, генерализуется в обобщенно-стереотипное понятие «российское общество». Величина декларируемой дистанции различна и варьируется в широком диапазоне, от полной несовместимости и невозможности интеграции до умеренно позитивных оценок перспектив аккультурации, особенно детей и подростков, социализируемых с помощью государственных образовательных, а также воспитательных институтов. Многочисленные общегосударственные и региональные исследования зачастую лишь фиксируют стереотипизированные установки, не позволяющие глубже взглянуть на природу взаимоотношений мигрантов с принимающим сообществом. Данная проблема применительно к Татарстану имеет свою специфику, обусловленную особой биэтнической моделью регионального общества, в которой исторической основой конвенциональности выступает соседство и тесное взаимодействие представителей этнических групп, обладающих значительными этнокультурными особенностями [Сагитова, 2018; Мусина, Хайруллина, 2015]. При этом потенциально дифференцирующие этнокультурные характеристики, включая травмирующие события исторического прошлого у титульной этнической группы, практически нивелированы опытом совмест-

¹ «Осмысленной миграционной политики у нас не выстроено пока» [Выступление Президента...].

ного дисперсного бесконфликтного проживания [Позитивные межнациональные отношения..., 2016]. Еще одной характерной особенностью Татарстана, отмеченной в ряде предыдущих исследований [Дiasпоры и сообщества ..., 2013; Этносоциология в Татарстане..., 2013], является тот факт, что, несмотря на единство религии и некоторых культурных традиций у выходцев из Центральной Азии, доминирующих в обобщенной группе «мигранты», и местных татар, последние четко дифференцированы в глазах русского населения республики.

Объект исследования

В огромном массиве научных работ тема миграции/мигрантов осмысливается с различных сторон и на уровне обобщения от философско-онтологического, аксиологического до эмпирического, включая «case study». При этом проблема имеет очевидное антропологическое измерение, опосредованное самой средой, в которой она генерируется, существует и воспроизводится. Несомненно ее тождество истории *homo sapiens sapiens* и формам его групповой жизни [Поршнев, 2006]. Вместе с тем в качестве темы изучения в антропологии и этнологии она разрабатывается не столь давно. Более того, миграция как предмет исследования и мигрант в качестве объекта антропологического анализа — скорее результат импорта социологических концепций в середине XX в. Даже в настоящее время преобладают исследования и итоговые работы в парадигме рамочного формата — *cultural studies*.

К середине XX в. именно в социологии или, шире, социальной теории тема миграции и мигранта как «чужака среди нас» опиралась на весьма серьезную методологическую, а также эмпирическую основу. В частности, представители известной Чикагской социологической школы перевели изучение мигрантов в американской культуре в область методологической проблемы, раскрываемой методами «полевого» исследования [Thomas, Znaniecki, 1927; Park, 1950]. К настоящему времени оформился определенный научный дискурс, в котором хабиутализированы [Berger, Luckmann, 1991, p. 70–71] понятия, с помощью которых представители различных дисциплинарных и теоретических направлений конфигурируют свою исследовательскую оптику при описании ситуации взаимодействия групп или культур. Среди таковых — понятия «чужой» и «другой». При этом конкретное смысловое наполнение указанных понятий часто носит авторский характер и зависит от контекста, в который их помещает исследователь [Баньковская, 2023]. Более того, объединенные в диаду, триаду или даже тетраду, они приобретают свойство нарратива. Примерами подобного структурирования исследовательского поля является весьма распространенная диада «свой-чужой», а также используемая рядом авторов триада «чужой, другой, маргинал» (*ibid*), в некоторых случаях даже тетрада — «свой-чужой-другой-враг» [Перепелкин, 2015, с. 66]. Таким образом, сложившийся в научном сообществе своеобразный консенсус в отношении номинативной функции понятий «чужой» и «другой» дополняется конвенциональной свободой семантики.

В нашем исследовании мы использовали триаду «чужой, другой, терпимый», чтобы подчеркнуть внутреннюю структуру дистанции между принимающим сообществом, а конкретно — русским населением Республики Татарстан, и условным мигрантом, рассматриваемым в качестве обобщенного иного. По мнению автора, коллективно транслируемая степень инаковости мигрантов может быть конкретизирована указанной выше триадой, в которой понятие «чужой» использовано для фиксации максимальной групповой дистанции, но не пересекающей гуманистические границы; понятием «другой» обозначаем средний уровень дистанционности, допускающий определенный спектр формальных взаимодействий.

Понятие «терпимый» имеет коннотацию, восходящую к дискуссии 1990-х гг. между В.А. Тишковым и Л.М. Дробижевой о сущности толерантности, в которой одним из русскоязычных аналогов являлось понятие «терпимость», по-разному трактуемое корифеями отечественной этнологии [Толерантность и согласие..., 1997]. В нашем исследовании мы используем понятие «терпимый» как производное от «терпимости» в том прочтении, которого придерживалась Л.М. Дробижева, т.е. «принимаемый каков есть» [Национальное самосознание..., 1994]. Следовательно, понятие «терпимый» используется для вербализации достаточно близкой дистанции, подразумевающей психологическое принятие мигранта в качестве сожителя в локальном сообществе.

Еще одно понятие, привлекаемое в настоящем исследовании в качестве референтного для указанных выше типов «чужой», «другой», «терпимый», — «культурная дистанция». Оно использовано с целью формализации тропа отличительности и аутгрупповости в контактах между группой «русские» и обобщенной группой «мигранты». Введенное в научный оборот в начале 1980-х гг., по мнению одних — группой И. Бабикера [Babiker et al., 1980], по мнению других — психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером [Furnham, Vochner, 1986] для фиксации культурных различий, оно в

дальнейшем прочно вошло в междисциплинарный научный дискурс и широко применяется специалистами в области социальной антропологии и этнологии при описании ситуаций взаимодействия представителей двух и более этнических групп [Мультикультурализм..., 2002].

Методология и методы исследования

В качестве рамочной методологии при изучении проблемы восприятия мигрантов представителями одной из групп этнического большинства регионального полиэтничного сообщества использовалась теория «реального конфликта» М. Шерифа [Sherif, 1966], Д. Кэмпбелла и Р. Левина [LeVine, Campbell, 1972]. Мы исходили из тезиса о том, что межгрупповые отношения в континууме «принимающее сообщество — мигранты» в ситуации усложнения социально-экономических условий, обусловленного экономическим и политическим давлением на Россию, актуализируют конкуренцию в сфере занятости и доступа к социальным благам вне зависимости от того, подтверждается ли это объективными данными или является фрустрирующим ожиданием. Важную мобилизирующую роль в этом играют информационная среда и медиа, поэтому дополнительным казуальным приемом при анализе полученных эмпирических данных выступила теория информационного общества М. Кастельса [Кастельс, 2020]. Научно-исследовательский инструментарий «полевой» части исследования предполагал комплексное использование количественных и качественных методов, в частности массового опроса, глубинного интервью, фокус-группы и участвующего наблюдения. По мнению автора, методика, основанная на сочетании количественных и качественных методов, позволяет не только оценивать общую ситуацию и тенденции, но и интерпретировать причинно-мотивационную составляющую позиций респондентов, отраженных в количественных показателях.

Источники

Материалы исследования, которые легли в основу настоящей статьи, получены в рамках комплексного исследования «Социальное самочувствие и этнокультурные потребности русского населения Республики Татарстан», реализованного в 2022 г. В ходе сбора данных было опрошено 1200 жителей республики, идентифицирующих себя в качестве русских. Выборочная совокупность формировалась на основе генерализованных данных Всероссийской переписи 2010 г., при отборе респондентов использовался квотно-стратифицирующий принцип. Глубинные интервью и фокус-группы проводились в различных населенных пунктах с учетом численного и этнического состава. Также в качестве данных, отражающих динамику восприятия мигрантов, привлечены материалы глубинных интервью с представителями русского населения, полученные по итогам исследования «Состояние межэтнических отношений в Республике Татарстан», осуществленного в мае — августе 2024 г.

Результаты

Согласно результатам проведенного в 2022 г. опроса 1200 респондентов, идентифицировавших себя в качестве русских, более 70 % из них оценивают межэтнические отношения в месте своего проживания и республике в целом как «доброжелательные», от 14 % до 18 % оценили их как «внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует», и еще 2 % рассматривают ситуацию как «напряженную, на грани открытых столкновений». При этом доля позитивных оценок выше, когда респондент говорит о конкретной ситуации в своем населенном пункте и примерно на 5 % ниже, когда дает общую оценку по республике. То есть, имеет место фрустрирующая стереотипизация, обусловленная, по всей видимости, сложившимся информационным полем. Если оценивать результаты ответов на указанные вопросы в таких социальных стратах, как пол, место жительства и возраст, можно отметить, что есть различия в оценках между горожанами и сельчанами. Последние склонны более позитивно оценивать состояние межэтнических отношений как в месте проживания, так и в Татарстане в целом, различия с горожанами достигают 15 %. Аналогичные расхождения в восприятии и оценках имеются в возрастных группах, в частности респонденты старше 51 года более положительно оценивают ситуацию, чем представители средней возрастной группы 31–50 лет. Еще заметнее разница между группой 51+ и молодежью в возрасте 18–30 лет, которые демонстрируют наиболее скептические оценки как межэтнической ситуации в месте своего проживания, так и общереспубликанской. Разница в позициях между указанными возрастными группами варьируется в диапазоне от 12 % при оценке конкретной ситуации до 7 % в случае обобщенной. В группах «мужчины» и «женщины» высказанные позиции оказались консолидированными и близки к тождественным. Таким образом наше предположение о корректирующем негативном внешнем влиянии на

оценки респондентов подтверждается, так как самые скептические позиции продемонстрировали горожане и молодые русские в возрасте 18–30 лет. Именно эти социальные группы, как правило, максимально включены в информационную повестку.

Вместе с тем среди предложенных вариантов, включая вариант с открытым ответом, о тех факторах, которые беспокоят респондентов в сфере межнациональных отношений больше всего, не оказалось какого-то одного доминирующего или даже заметно преобладающего. Несколько таких причин имеют для респондентов примерно одинаковую приоритетность. При группировке ответов суммировались все выбранные респондентами варианты ответов, общее количество которых составило 1564. Самым актуальным оказался вариант ответа «большое количество инокультурных мигрантов», который составил 15,5 % от всех полученных ответов, далее с разницей в пределах статистической погрешности следовал вариант «проблема сохранения родного языка» — 14,8 %. Еще два популярных варианта ответа — «влияние национальности при устройстве на работу» и «искажение характера межнациональных отношений в республике в СМИ» — набрали 10,3 % и 9,5 % соответственно. Таким образом, именно проблема мигрантов является в глазах представителей русского населения Татарстана пусть и не определяющей, но все-таки наиболее актуализированной.

Обратим внимание, что в формулировке ответа использовалось фокусирующее прилагательное «инокультурный», которое по замыслу авторов должно было сформировать у респондентов соответствующую коннотацию и таким образом исключить в ситуации выбора категорию внутренних мигрантов из соседних российских регионов. Хотя методически трудноразрешимым остается вопрос с внутренними мигрантами из ряда российских регионов, в частности с Северного Кавказа, культурная дистанция с которыми у местного населения, согласно ранее проводившимся исследованиям, фактически соответствует аналогичной дистанции с иммигрантами из стран Средней Азии и Закавказья. Тем не менее именно культурная составляющая оказывается определяющей при восприятии русскими респондентами ситуации взаимодействия с мигрантами.

Как и в ранее рассмотренных вопросах, оказались заметны различия в позициях представителей таких социальных групп, как горожане и сельчане. У первых актуальность варианта ответа «большое количество инокультурных мигрантов» в три раза превышала аналогичную у сельчан — 18,8 % против 5,4 %. В возрастных группах, а также у мужчин и женщин таких заметных различий не проявилось. В группе «молодежь» (18–30 лет) тема мигрантов незначительно, но уступила по актуальности проблемам сохранения родного языка и влияния национальности при устройстве на работу.

Очевидно, что городская среда значительно повышает интенсивность потенциальных контактов представителей местного русского населения с мигрантами, что и отразилось в полученных результатах. При ответе на прямой вопрос об отношении респондентов к присутствию мигрантов в населенном пункте проживания около половины опрошенных выбрали вариант ответа «положительно, если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть языком». В то же время 21,3 % согласны с присутствием мигрантов, «если их будет меньше», а еще 20,8 % «против их присутствия, если они не соблюдают закон». Иных, более категоричных вариантов ответа, при допустимости авторских формулировок, высказано не было. То есть диапазон установок у большинства русских республики в отношении мигрантов колеблется в пределах умеренно позитивного, что в предложенной авторами схеме соответствует категориям «другой» и «терпимый», хотя позиция с согласием на присутствие мигрантов, если их будет меньше, которой придерживается пятая часть опрошенных, скорее соответствует категории «чужой». Вновь, как и в предыдущих вопросах, различия в занятых респондентами позициях заметно проявились между жителями городов и сельских населенных пунктов. Горожане демонстрируют значительно менее позитивное отношение к мигрантам, например вариант положительного отношения «если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть языком» выбрали только 40 %, в то время как среди сельчан этот вариант отмечен в 64,6 % случаев. В других социальных группах подобных расхождений выявлено не было и результаты соответствовали распределением ответов в целом по выборке.

Чтобы понять позиции респондентов, обратимся к данным глубинных интервью и фокус-групп. В исследовании 2022 г. тема взаимоотношений представителей принимающего населения и мигрантов находилась на периферии интереса собеседников. На вопрос о состоянии межэтнических отношений в республике и потенциальных рисках участники, как правило, говорили о стабильных и в целом позитивных межэтнических отношениях, а в качестве негативных фак-

торов чаще указывались диспропорции в сложившейся за постсоветский период кадровой политике в группах этнического большинства. Более развернутое объяснение такого отношения к теме мигрантов сформулировала одна из участниц исследования:

Интервьюер (И.): Тема мигрантов насколько сейчас актуальна? Проблема есть такая или нет? Насколько это конфликтогенный фактор в настоящее время?

Респондент (Р.): Мне кажется, что сейчас уже немного подостыли, все привыкли к тому, что люди приезжают и мигрантов много.

И.: Это с привычкой связано или с количеством?

Р.: Мне кажется, что не просто даже привычка, а просто прошел период адаптации, когда люди поняли, что мигранты есть. Я бы не сказала, что к мигрантам относятся хорошо и позитивно. На бытовом уровне есть мигрантофобия.

И.: Она только у русских или у татар тоже?

Р.: У всех, у местного населения у всех по-разному присутствует. Но и мигранты не хотят идти на какой-то контакт.

И.: То есть здесь фактор обоюдный?

Р.: То есть живут обособленно, не хотят встраиваться, социализироваться, такое тоже видно (жен., русская, 37 лет, г. Казань).

Схожие установки демонстрировали жители не только столицы, но и небольших городов:

И.: Какова в настоящее время ситуация с мигрантами в вашем городе? Их стало больше или меньше?

Р.: Мигрантов стало больше, потому что у нас студенты, все-таки здесь филиал КФУ (Казанский федеральный университет. — Прим. авт.).

И.: Ну, иностранные студенты — это особая категория. А вот рабочие какие-то?

Р.: Приезжают-приезжают.

И.: Они раздражающий фактор или на них спокойно реагирует население?

Р.: Мы — спокойно. Наш возраст спокойно к этому относится (жен., русская, 47 лет, г. Елабуга).

В ходе фокус-групп с представителями различных социальных и возрастных страт русского населения высказывания участников в целом соответствовали позициям, прозвучавшим в глубинных интервью, и имели нейтральную эмоциональную окраску с отдельными негативными коннотациями:

Модератор (М.): Как у вас отношения с мигрантами? Есть проблемы?

Участник 7: У нас все спокойно.

Участник 4: В Заинске есть люди, которые плохо относятся к тому, что у нас разные национальности ходят по городу. И властью недовольны (ф.-группа № 6, г. Заинск).

Более детализированная критическая позиция была отмечена среди участников из числа жителей столичной Казани:

М.: Проблема мигрантов у нас существует? Как вы сами относитесь к присутствию мигрантов из других стран? Является ли это проблемой?

Участник: На самом деле проблема есть. И она связана не с ассимиляцией, а с тем, что, когда люди переезжают в Россию, они продолжают жить по своим традициям. Это выражается в разной степени. В менталитете, в разговоре, в поведении. Это выглядит, в данном случае, как неуважение к принимающей стороне.

М.: Как ты считаешь, на уровне республики это является проблемой?

Участник: Если говорить про отдельные микрорайоны крупных городов, у нас есть такие в Приволжском районе, в Советском (районы Казани. — Прим. авт.). Там встречаются отдельные микрорайоны, которые заполнены выходцами из стран СНГ. В Советском районе мы как в другой мир попали. Внутренний дворик, а мы единственные россияне, как будто в другой стране. Атмосфера как будто не у себя дома (ф.-группа № 3, г. Казань).

Таким образом данные, полученные в ходе исследования 2022 г., свидетельствовали о преобладании среди русского населения Татарстана достаточно спокойного и отчасти отстраненного отношения к обобщенной группе «мигранты», которая соответствовала условным типам «другой» и «терпимый» с преобладанием первого. Образ мигранта в высказываниях большинства участников исследования носил обезличенный характер, что свидетельствовало о существовании заметной межгрупповой дистанции. В то же время немногочисленные негативные оценки и отсутствие устойчивого отрицательного образа мигрантов, как группы в целом, так и отдельных ее представителей, говорило о том, что тип «чужой» не являлся в группе русских настолько распространенным, чтобы обрести форму паттерна.

В исследовании 2024 г. ситуация с оценками участников исследования из числа представителей русского населения республики роли миграционного фактора в межнациональных отношениях заметно отличалась. Тема мигрантов становится рефреном рассуждений о потенци-

Культурная дистанция и образ мигранта у русского населения Республики Татарстан...

альных конфликтах в межэтнической сфере. Среди типовых позиций, озвученных в ходе глупинных интервью людьми разного возраста и места проживания, звучали следующие:

И.: Как вы считаете, насколько фактор мигрантов может спровоцировать какие-либо межнациональные конфликты?

Р.: На сто процентов может, это еще они не ударили по нашей республике, потому что в общем-то относительно положение у нас спокойное, но мигранты будут выбивать для себя место под солнцем.

И.: То есть вы критически относитесь к их присутствию?

Р.: Очень критически, это люди, которые молчат, но дело свое делают, они распространяют не тот ислам, который ближе нашим татарам, а воинственный ислам, и постепенно часть населения, небольшая пока часть, захватывается этими делами (жен., русская, 72 года, г. Казань).

В приведенной выше цитате обращает на себя внимание тема импорта нетрадиционного ислама в татарстанскую умму посредством мигрантов. Этот нарратив был устойчиво актуальным в информационном поле республики с середины 2000-х гг. и обрел наибольший резонанс после террористических атак 2012 г. К началу 2020-х гг., как показали и результаты исследования 2022 г., тема нетрадиционного ислама мигрантов ушла из фокуса информационного поля и практически отсутствовала в артикулируемых русскими респондентами образах мигрантов. Спустя два года она вновь становится манифестируемой. Стоит также отметить расширившуюся географию негативных оценок, отраженную в позициях русских жителей небольших населенных пунктов:

И.: Как вы считаете, насколько в настоящее время высока вероятность возникновения межнациональных конфликтов в нашей республике или не высока, если да, то как вы думаете, в каких сферах жизни это может проявиться?

Р.: Если мы говорим про коренное население республики, то я думаю, что здесь вероятность нулевая.

И.: А если мы говорим в целом про ситуацию в республике?

Р.: Если в целом говорим, то я думаю, что есть небольшой риск, который связан с мигрантами, сейчас участились случаи, когда очень много конфликтных ситуаций, связанных вокруг мигрантов. Изнасилования, побои. И здесь возникает вопрос, как это разрешать. Наглость мигрантов начинает зашкаливать (муж., русский, 25 лет, пгт. Аксубаево).

Исходя из данного высказывания можно уверенно предположить, что позиция информанта не опирается на конкретную ситуацию в месте проживания, так как отсутствуют какие-либо значимые подробности. Позиция скорее отражает общий эмоциональный настрой, сформулированный в стереотипизированной форме. Тем не менее сам регистр оценки ситуации с мигрантами в республике у представителей русского населения значительно повышен в сравнении с исследованием 2022 г. Происходит ревитализация фобий с опорой на значительно выросшие за последние годы возможности воздействия на аудиторию через различные информационные каналы.

Заключение

Представленный анализ результатов исследований 2022 и 2024 гг. свидетельствует о заметных изменениях в позициях представителей русского населения республики по отношению к мигрантам, произошедших в течение двух лет. Очевиден восходящий тренд на актуализацию проблемы мигрантов в татарстанском сообществе. Судя по высказываниям русских информантов, начинает все более преобладать тип «чужака» и сокращаться тип «терпимого». По-прежнему можно говорить о существующем общественном консенсусе по вопросам бесконфликтного взаимодействия принимающего населения и представителей других культур, но запас прочности истончается, что заметно по возросшей межгрупповой дистанции, выраженной более критичными, чем двумя годами ранее, оценками. Вторым важным наблюдением является определяющая роль информационного пространства и ключевых акторов в лице медиа, оказывающих формирующее воздействие на значительные массы населения. Причем степень этого влияния увеличивается, а время отклика аудитории сокращается, что становится заметным фактором в межэтнических отношениях. Подводя общий итог, необходимо отметить, что фигура мигранта как «инога» составляет значимую часть этнической рефлексии русской части культурно сложного регионального сообщества. Вместе с тем мигранты не являются тем фактором, который в настоящее время определяет общее состояние межэтнических отношений в республике, выступая в значительной мере как потенциальный агент канализации напряженности в случае усиления негативных процессов в социально-экономической сфере.

Финансирование. Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баньковская С.П.* Чужаки и границы: Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2023. 302 с.
- Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: Этносоциологические очерки* / Отв. ред. Т.А. Титова. Казань: Мир без границ, 2013. 225 с.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 591 с.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских наций* / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии: Ин-т философии РАН, 2002. 356 с.
- Мусина Р.Н., Хайруллина Н.Г.* Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане // Известия вузов: Социология, экономика, политика. 2015. № 4. С. 85–87.
- Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов* / Ред. Л.М. Дробижеева, М.С. Кашуба, А.Р. Аклаев, В.В. Коротаева. М.: ИЭА РАН, 1994. 273 с.
- Перепелкин Л.С.* «Свой-чужой-другой-враг»: К антропологии межгрупповых взаимодействий // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII. Вып. 1–2. (№ 85–86). С. 63–75.
- Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: Опыт Татарстана в общероссийском контексте* / Под ред. Л.М. Дробижеевой, С.В. Рыжовой; Ин-т социологии РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.
- Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
- Сагитова Л.В.* Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 360 с.
- Толерантность и согласие: Материалы междунар. конф. «Толерантность, взаимопонимание и согласие»*, Якутск, июнь 1995 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1997. 307 с.
- Этносоциология в Татарстане: Опыт полевых исследований: Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижеевой* / Ред. Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 316 с.
- Babiker I., Cox J., Miller, P.* The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University // *Journal of Social Psychiatry*. 1980. Vol. 15. P. 109–116.
- Berger P.L., Luckmann T.* The Social construction of reality: A Treatise in the sociology of knowledge. L.: Penguin Group, 1991. 249 p.
- Furnham A., Bochner S.* Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L.: Methuen, 1986. 298 p.
- LeVine R.A., Campbell D.T.* Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior. N. Y.: John Wiley, 1972. 310 p.
- Park R.E.* Race and culture. N. Y.: The Free Press; L.: Collier — Macmillan, 1950. 442 p.
- Sherif M.* Group conflict and cooperation: Their social psychology. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966. 192 p.
- Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. 2nd ed. N. Y.: Knopf, 1927. 1115 p.

ИСТОЧНИКИ

Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина 7 июня 2024 года на пленарном заседании Петербургского Международного экономического форума. URL: <https://www.interfax.ru/spief2024/965716> (дата обращения: 19.10.2024).

Kozlov V.E.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kazan (Volga Region) Federal University»
Kremlevskaya st., 18, Kazan, 420015, Russian Federation
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Cultural distance and the image of a migrant among the Russian population of Tatarstan: “foreign”, “different”, “tolerable”

The article considers the features of the perception of migrants by the Russian population of the Republic of Tatarstan, reflecting the degree of the intergroup social distance. One of the factors that shape it is the generalized image of a migrant prevailing among local Russians, which can be reduced to three conventional types: “foreign”, “different”, and “tolerable”. Each of them, in addition to socio-cultural connotations, is equivalent to the characteristics of the intergroup distance — close, medium, distant. The purpose of the study is the analysis of the social distance between the Russian population of Tatarstan and migrants, represented in generalized figurative nominations: “foreign”, “different” and “tolerable”, as well as the factors contributing to it. The research is based on the materials of the comprehensive study “Russian population of the Republic of Tatarstan”, which was carried out in 2022, as well as on the results of other studies on ethnic issues conducted in 2023–2024. It is worth noting that the problem of migrants has become remarkably topical over the past two years in the local multicultural community, which affects both the perception of migrants and attitudes towards the interaction with them.

Культурная дистанция и образ мигранта у русского населения Республики Татарстан...

The image of a migrant as a “different” remains predominant among the Russian population of the republic, with a tendency to transform into the image of a “foreigner”, which indicates an increase in intergroup social distance.

Keywords: migrant, ethnic identity, cultural distance, ethnic stereotype, autochthonous group, heterogeneity.

Funding. The work was supported a grant provided in 2024 by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

REFERENCES

- Babiker, I., Cox, J., Miller, P. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University. *Journal of Social Psychiatry*, (15), 109–116.
- Bankovskaya, S.P. (2023). *Strangers and borders: Research on the sociology of marginality*. St. Petersburg: Izdatelstvo «Vladimir Dal». (Rus.).
- Berger, P., Luckman, T. (1991). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Group.
- Castells, M. (2020). *The power of communication*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (Rus.).
- Drobyzheva, L.M., Kashuba, M.S., Aklaev A.R., Korotaeva, V.C. (Eds.) (1994). *National self-awareness and nationalism in the Russian Federation in the early 1990s*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Drobyzheva, L.M., Ryzhova, S.C. (Eds.) (1994). *Positive interethnic relations and prevention of intolerance: Tatarstan's experience in the all-Russian context*. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).
- Furnham, A., Bochner, S. (1986). *Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. London: Methuen.
- LeVine, R.A., Campbell, D.T. (1972). *Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior*. New York: John Wiley.
- Malakhov, V.S., Tishkov, V.A. (Eds.) (2002). *Multiculturalism and transformation of post-Soviet nations*. Moscow: Institut etnologii i antropologii; Institut filosofii RAN. (Rus.).
- Musina, R.N., Gabrakhmanova, G.F., Makarova, G.I., Sagitova, L.V. (Eds.) (2013). *Ethnosociology in Tatarstan: Experience of field research*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (Rus.).
- Musina, R.N., Khairullina, N.G. (2015). Features of the ethno-confessional situation in post-Soviet Tatarstan. *Izvestiya vyschih uchebnyih zavedenyi: Sociologiya, ekonomika, politika*, (4), 85–87. (Rus.).
- Park, R.E. (1950). *Race and culture*. New York: The Free Press; London: Collier — Macmillan.
- Perepelkin, L.S. (2015). “Own-stanger-another-enemy”: To the anthropology of intergroup Interactions. *Personality. Culture. Society*, (85–86), 63–75. (Rus.).
- Porshnev, B.F. (2006). *On the beginning of human history*. Moscow: FARY-V. (Rus.).
- Sagitova, L.V. (2018). *Republic of Tatarstan: identity politics and its actors*. Kazan: Izdatelstvo Instituta istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (Rus.).
- Sherif, M. (1966). *Group conflict and cooperation: Their social psychology*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Tishkov, V.A. (Ed.) (1997). *Tolerance and consent: Materials of the international conference “Tolerance, mutual understanding and consent”, Yakutsk, June 1995*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Titova, T.A. (Ed.) (2013). *Diasporas and migrant communities in the Republic of Tatarstan: Ethnosociological essays*. Kazan: Mir bez granits. (Rus.).
- Thomas, W.I., Znaniecki, F. (1927). *The Polish peasant in Europe and America. 2nd ed.* New York: Knopf.

Козлов В.Е., <https://orcid.org/0000-0002-7152-152X>

Сведения об авторе: Козлов Вадим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной деятельности Директората Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань.

About the author: Kozlov, V.E., PhD in History, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Activities of the Directorate of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga) Federal University, Kazan.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 26.02.2025

Article is published: 15.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисуночными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.doc или *.rtf, озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом 1000–1500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на английском языке) объемом 1000–1500 знаков с пробелами. Summary должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подрисуночные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding** (сведения о финансировании проектов);

— References (список литературы на латинице).

Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

В конце статьи необходимо дать расширенные сведения об авторах на русском и английском языках для размещения на сайте «Российские научные журналы» (РНЖ):

ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, город.

Сведения об авторах: Иванов Иван Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors: Ivanov, I.I., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Кроме того, в конце статьи необходимо указать **ORCID** автора(ов) (напр., <https://orcid.org/0000-0002-3277-2414>) (если номера нет, то следует зарегистрироваться по ссылке <https://orcid.org/signin>).

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют вариант статьи по адресу: vestnik.ipos@inbox.ru. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В раздел «Источники» включаются публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях, диссертации и авторефераты диссертаций. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191>.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Рафикова Т.Н. Тарханский острог XVII–XVIII вв.: по материалам геофизических и археологических исследований 2020–2021 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 71–84. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-6>

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чукунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Jin Zh. Natural Science Research of Erlitou Bronze and Exploration of Xia Civilization // Cultural relics [文物], 2000. № 1. P. 56–69. (China).

(В иероглифике приводится лишь название журнала (сборника). Оно дается в квадратных скобках после перевода этого названия на английский.)

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. <https://doi.org/10.1016/j.crvp.2014.06.004>.

ИСТОЧНИКИ

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Источники в список References не вносятся.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции и издателя:

625008, Тюмень, ул. Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН

Тел. (3452) 688-768

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
БГСХА — Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
ЗНУ — Запорожский национальный университет
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИРНТУ — Иркутский национальный исследовательский технический университет
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СОГУ — Северо-Осетинский государственный университет
СФУ — Сибирский федеральный университет
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО АН СССР — Уральское отделение АН СССР
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (69)

2025

Главный редактор
доктор исторических наук В.А. Зах

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	С.В. Святко

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Дата выхода: 15.06.2025. Уч.-изд. л. 24,6. Объем 52 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции и издателя: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, тел. (3452) 688-768
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

К 80-летию Владимира Васильевича Боброва

В.В. Бобров — доктор исторических наук, профессор, авторитетный ученый, хорошо известный не только в России, но и за рубежом. Выпускник филолого-исторического факультета Кемеровского педагогического института (с 1974 года — Кемеровский государственный университет), он и поныне работает в родном вузе, сегодня — в качестве ведущего научного сотрудника лаборатории практической археологии Института истории и международных отношений. С 1998 по 2022 год возглавлял кафедру археологии КемГУ. С 2004 года — также сотрудник Института экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН. Осуществляет научное руководство исследованиями по археологии и истории Сибири. Многие его ученики стали профессиональными археологами.

Основные направления исследований ученого связаны с историческими, этническими и культурогенетическими процессами в условиях горных экосистем, с первобытным искусством, с малоизученными периодами на территории Сибири и Центральной Азии. Научные проекты В.В. Боброва неоднократно получали поддержку на федеральном уровне.

В.В. Бобров — ведущий специалист в области подготовки профессиональных кадров российской археологической науки. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Является членом Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам СО РАН, организатором гуманитарного направления в НОЦ мирового уровня «Кузбасс», членом диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора наук по специальности «археология» при Алтайском государственном университете, Кемеровском государственном университете, Институте археологии и этнографии СО РАН.

Автор более 500 научных работ, 15 монографий (в том числе в соавторстве), в частности разделов фундаментального академического труда «История Сибири» (т. 1. Каменный и бронзовый век), а также 4 баз данных, зарегистрированных Роспатентом.

Сердечно поздравляем Владимира Васильевича с юбилеем, желаем дальнейшей плодотворной научной, организационной и педагогической деятельности, крепкого здоровья на долгие годы.

Коллектив ИПОС СО РАН

Тюменский научный центр СО РАН

Подписной индекс 80385
ООО «Урал-Пресс-Округ»
+7 (343) 385-87-24